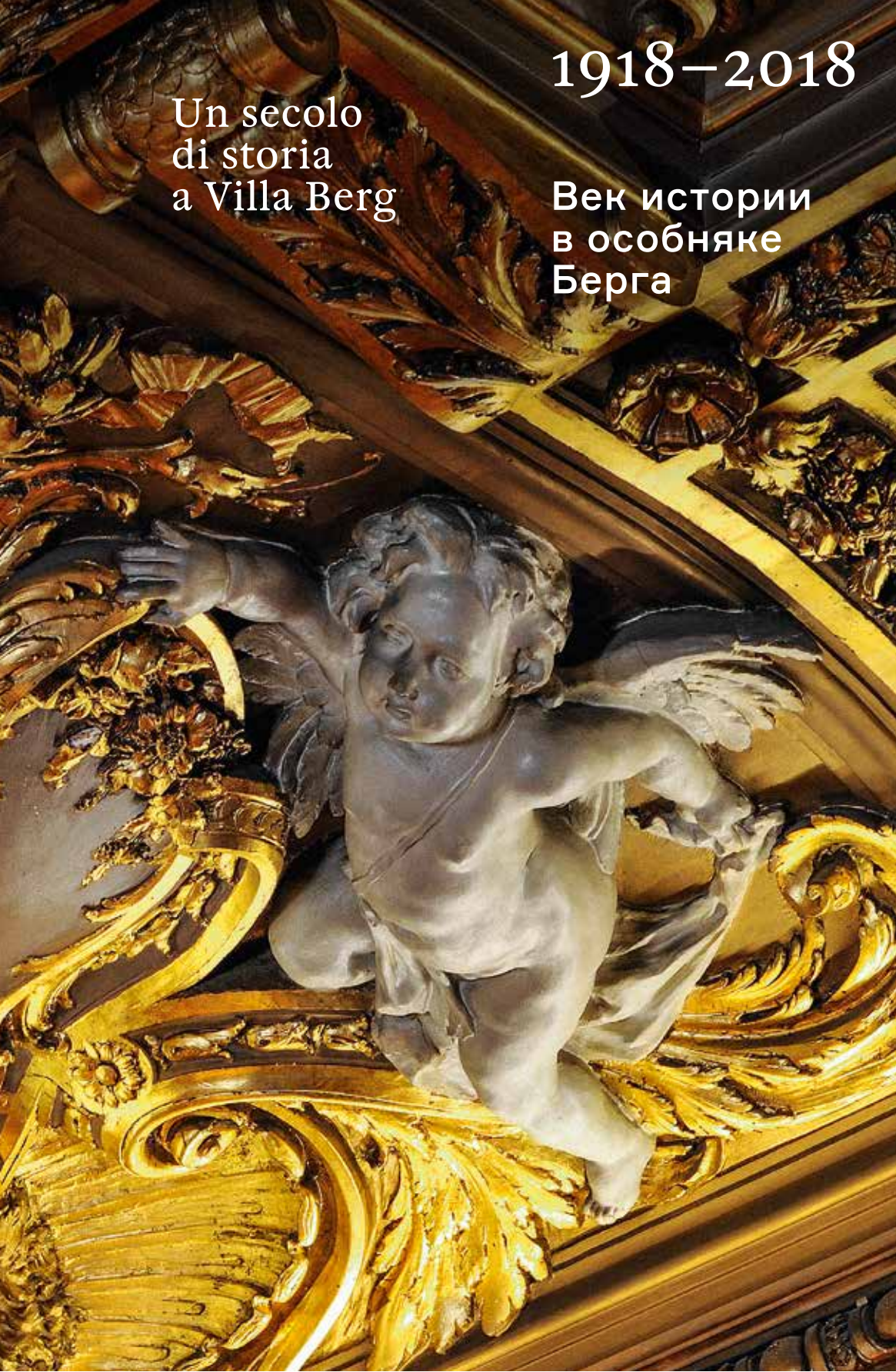


1918–2018

Un secolo
di storia
a Villa Berg

Век истории
в особняке
Берга



**1918–2018:
век истории
в особняке
Берга**

**1918–2018:
un secolo
di storia
a Villa Berg**

Посольство Италии в Москве
Федеральное государственное бюджетное учреждение
науки Институт Европы Российской академии наук

1918–2018: век истории в особняке Берга

Под редакцией:
Р. Алонци, Е.А. Масловой

Москва
2019

Ambasciata d'Italia a Mosca
Istituto Europa dell'Accademia russa delle scienze

1918–2018: un secolo di storia a Villa Berg

A cura di:
Roberta Alonzi, Elena Maslova

Mosca
2019

Идея и координация проекта:

Вальтер Феррара

Редактор-составитель:

Дарья Клименко

Под редакцией:

Роберта Алонци

Елена Маслова

Научные рецензенты:

Олег Барабанов

Валерий Михайленко

Джорджо Петракки

Перевод:

Николетта Д'Алессандро

Владимир Захаров

Франческа Ладзарин

Уго Перси

Анастасия Свотина

Издательство

ABCdesign

Арт-директор:

Дмитрий Мордвинцев

Дизайн-макет:

Даниил Бондаренко

Выпускающий редактор:

Елизавета Григорьева

Корректор:

Дарья Балтрушайтис

Авторский коллектив:

Роберта Алонци

Надежда Арбатова

Винфрид Баумгарт

Роберто Валле

Анджело Вентроне

Алексей Громыко

Татьяна Зонова

Алексей Кара-Мурза

Ярослав Леонтьев

Валерий Любин

Елена Маслова

Марко Риччери

Серджи Романо

Алессандро Салаконе

Маттиас Уль

Борис Хавкин

Ирина Хормач

Посольство Италии в Москве выражает искреннюю и глубокую признательность за сотрудничество в подготовке и проведении конференции «1918–2018: век истории в особняке Берга» и осуществлении данной публикации:

Институту Европы РАН

и лично директору

А.А. Громыко,

Итальянскому институ-

ту культуры в Москве

и лично директору

Ольге Страде,

Посольству Германии

в России и лично послу

Рюдигеру фон Фричу,

Роберте Алонци

а также:

Умберто Бернардо,

Алессандре Браски,

Сергею Булекову,

Теодоре Данизи,

Яну Канторчику,

Льву Кацу,

Татьяне Кудрявцевой,

Георгу Лейбе,

Роберто Ренне,

Луиджи Саулли

Фотографии интерьеров: Юрий Пальмин

Документальные иллюстрации

предоставлены авторами

Права на остальные изображения

принадлежат Посольству Италии в Москве

На обложке:

Деталь плафона Красной гостиной

Ideazione e coordinamento del progetto:

Walter Ferrara

Coordinamento editoriale:

Daria Klimenko

A cura di: Roberta Alonzi

Elena Maslova

Recensori scientifici:

Oleg Barabanov

Valerij Michajlenko

Giorgio Petracchi

Traduzioni:

Nicoletta D'Alessandro

Vladimir Zacharov

Francesca Lazzarin

Ugo Persi

Anastasia Svotina

Casa editrice ABCdesign

Direttore artistico:

Dmitrij Mordvincev

Design:

Daniel Bondarenko

Responsabile della

pubblicazione:

Elizaveta Grigorjeva

Corettore:

Daria Baltrušajtis

Autori dei saggi:

Roberta Alonzi

Nadežda Arbatova

Winfried Baumgart

Boris Chavkin

Irina Chormač

Aleksej Gromyko

Aleksej Kara-Murza

Jaroslav Leont'ev

Valerij Ljubin

Elena Maslova

Marco Ricceri

Sergio Romano

Alessandro Salacone

Matthias Uhl

Roberto Valle

Angelo Ventrone

Tatiana Zonova

L'Ambasciata d'Italia a Mosca esprime la sua sincera e profonda gratitudine per la collaborazione all'organizzazione della Conferenza "1918–2018: un secolo di storia a Villa Berg" e alla realizzazione della presente pubblicazione a: Istituto Europa dell'Accademia russa delle scienze e in particolare al direttore Aleksej Gromyko, Istituto italiano di cultura a Mosca e in particolare alla direttrice Olga Strada, Ambasciata di Germania nella Federazione Russa e in particolare all'Ambasciatore Rüdiger von Fritsch, a Roberta Alonzi

E anche a:

Umberto Bernardo,

Alessandra Braschi,

Serghej Bulekov,

Teodora Danisi,

Lev Kac,

Jan Kantorzcyk,

Tatiana Kudrjavceva,

Georg Leube,

Roberto Renna,

Luigi Saulli

Foto degli interni: Yuriy Palmin

Le foto dei documenti sono state messe

a disposizione dagli autori dei saggi

I diritti di tutte le altre foto appartengono

all'Ambasciata d'Italia a Mosca

Copertina:

Particolare del *plafond* della Sala Rossa

Содержание

Предисловие. <i>Роберта Алонци</i>	10
Вступительное слово. <i>Посол Италии в России Паскуале Терраччано</i>	28
Вступительное слово. <i>Посол Германии в России Рюдигер фон Фрич</i>	33
Вступительное слово. <i>Алексей Громыко, Елена Маслова</i>	37

ЧАСТЬ 1. УБИЙСТВО ПОСЛА МИРБАХА В КОНТЕКСТЕ РОССИЙСКО-ГЕРМАНСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Мотивы политического преступления. <i>Серджо Романо</i>	74
Убийство посла Мирбаха: по следам преступления. <i>Борис Хавкин</i>	82
Политика Германии в отношении России в 1918 году. <i>Винфрид Баумгарт</i>	106
Неофициальные немецкие военные атташе в Советской России (1918–1933 годы). <i>Маттиас Уль</i>	124
Образ Блюмкина в художественной литературе, публицистике и кинематографе. <i>Ярослав Леонтьев</i>	144

ЧАСТЬ 2. ОТНОШЕНИЯ МЕЖДУ ИТАЛИЕЙ И СССР

Эхо российских революций в Италии. <i>Татьяна Зонова</i>	186
Советско-итальянские отношения в межвоенный период. <i>Ирина Хормач</i>	198
Советско-итальянская дипломатия между реальностью и реализмом (1944–1953 годы). <i>Роберта Алонци</i>	230
Начало разрядки международной напряжённости и её последствия для советско-итальянских отношений. <i>Алессандро Салаконе</i>	264

Об особняке Берга и советско-итальянских отношениях в воспоминаниях А.А. Громыко. <i>Алексей Громыко</i>	290
Прорыв железного занавеса: советско-итальянские конференции историков в годы холодной войны. <i>Валерий Любин</i>	296
Горбачёвский исторический компромисс. СССР и Италия в период перестройки. <i>Надежда Арбатова</i>	326

ЧАСТЬ 3. ОБРАЗЫ И МИФЫ. ИТАЛИЯ — РОССИЯ: СОВРЕМЕННЫЙ ЭТАП И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ СОТРУДНИЧЕСТВА

Миф и антимиф СССР в итальянской политической пропаганде в межвоенный период. <i>Анджело Вентроне</i>	340
Непредсказуемое прошлое светлого будущего. Метаморфозы мифа СССР в Италии. <i>Роберто Валле</i>	363
Культурные связи России и Италии: к двухсотлетию со дня рождения И.С. Тургенева. <i>Алексей Кара-Мурза</i>	405
Итало-российские соглашения о сотрудничестве в области науки и культуры. <i>Марко Риччери</i>	434
Российско-итальянские отношения: традиции и современность. <i>Елена Маслова</i>	457
Сведения об авторах	502

Indice

Prefazione. <i>Roberta Alonzi</i>	20
Saluto di <i>Pasquale Terracciano</i> , Ambasciatore d'Italia presso la Federazione Russa	31
Saluto di <i>Rüdiger von Fritsch</i> , Ambasciatore di Germania presso la Federazione Russa	35
Saluto di <i>Aleksej Gromyko, Elena Maslova</i>	39

I PARTE. L'UCCISIONE DELL'AMBASCIATORE MIRBACH NEL CONTESTO DELLE RELAZIONI RUSSO-TEDESCHE

I motivi di un crimine politico. <i>Sergio Romano</i>	78
L'assassinio dell'Ambasciatore Mirbach: sulle orme del delitto. <i>Boris Chavkin</i>	94
Politiche tedesche nei confronti della Russia nel 1918. <i>Winfried Baumgart</i>	115
Gli "addetti militari" tedeschi non ufficiali nella Russia sovietica e in URSS dal 1918 al 1933. <i>Matthias Ubl</i>	134
La figura di Bljumkin nella letteratura, nella pubblicistica e nel cinema. <i>Jaroslav Leont'ev</i>	156

II PARTE. LE RELAZIONI ITALIA-URSS

L'eco delle rivoluzioni russe in Italia. <i>Tatiana Zonova</i>	192
I rapporti italo-sovietici tra le due guerre. <i>Irina Chormac</i>	213
La diplomazia italo-sovietica tra realismo e realtà (1944-1953). <i>Roberta Alonzi</i>	248

L'avvio della distensione e le conseguenze nelle relazioni italo-sovietiche. <i>Alessandro Salacone</i>	278
Villa Berg e i rapporti italo-sovietici nei ricordi di Andrej Gromyko. <i>Aleksej Gromyko</i>	293
Una breccia nella "cortina di ferro": i convegni degli storici sovietici e italiani negli anni della guerra fredda. <i>Valerij Ljubin</i>	311
Il compromesso storico di Gorbačev: URSS e Italia nel periodo della <i>perestrojka</i> . <i>Nadežda Arbatova</i>	332

III PARTE. MITI E IMMAGINI. ITALIA-RUSSIA: LA DIMENSIONE ATTUALE E LE PROSPETTIVE FUTURE DELLA COLLABORAZIONE

Mito e anti-mito dell'URSS nella propaganda politica italiana dal primo al secondo dopoguerra. <i>Angelo Ventrone</i>	352
L'imprevedibile passato del radioso avvenire. Le metamorfosi del mito dell'URSS in Italia. <i>Roberto Valle</i>	385
Le relazioni culturali fra la Russia e l'Italia: per i 200 anni dalla nascita di Turgenev. <i>Aleksej Kara-Murza</i>	419
Gli accordi tra Italia e Russia nell'ambito della cooperazione scientifica e culturale. <i>Marco Ricceri</i>	446
I rapporti russo-italiani: tradizioni e contemporaneità. <i>Elena Maslova</i>	469
Informazioni sugli autori	503

6° Emancipazione della donna con eguali diritti, sulla base di eguale lavoro, eguale salario. 7° Dare i mezzi di produzione ai lavoratori. 8° Statizzazione delle grandi industrie, non appena il popolo saprà decidersi da sé, grazie all'istruzione ricevuta».

Ciò avrebbe permesso — concludeva il volantino — non di realizzare «il Paradiso in terra», ma più semplicemente «il benessere per tutti»²³. Come abbiamo detto, tali messaggi esercitavano una forte attrazione nel mezzo della frammentazione, della perdita di riferimenti comuni provocati dalla tragedia della guerra e dalle rapide trasformazioni che l'avevano seguita. Com'è stato notato, d'altronde, in certi momenti storici, un modo utopistico di affrontare l'azione politica può rivelarsi quello più aderente alla realtà²⁴. La necessità di sottrarsi all'incertezza, all'imprevedibilità, era diventata impellente e creava un terreno fertile per la presa dei miti politici.

Com'è noto, lo scontro frontale tra comunismo e anti-comunismo si sarebbe protratto a lungo. Per vederlo iniziare a dissolversi, si sarebbe infatti dovuto attendere la metà degli anni Settanta. Fu solo allora che si produsse una visibile frattura nei contenuti e nello stile della propaganda politica. Tra i principali fattori di questo cambiamento, possiamo ricordare innanzitutto sia il profondo ripensamento e l'allentamento da parte del Partito comunista dei tradizionali legami con l'Unione Sovietica, sia la necessità di ritrovare — di fronte alla grave crisi economica seguita alla guerra arabo-israeliana e all'esplosione tanto del terrorismo neofascista, quanto di quello di matrice marxista-leninista — un minimo comun denominatore tra tutte le forze politiche impegnate a salvare il sistema dal suo possibile collasso. Un minimo comun denominatore che superasse, una volta per tutte, la reciproca demonizzazione, e avviasse un dialogo tra tutti coloro che in fondo si continuavano a riconoscere nel patto che durante la Seconda guerra mondiale le aveva unite contro il fascismo e, subito dopo, le aveva spinte a collaborare strettamente per giungere alla stesura del documento fondamentale che avrebbe guidato la rinascita del paese: la Costituzione repubblicana²⁵.

23 A. Ventrone, *La cittadinanza repubblicana*, op. cit., pp. 106–107.

24 G. Germani, *Sociologia della modernizzazione. L'esperienza dell'America latina*, Laterza, Roma-Bari 1971, p. 108; sul «rapporto tra rappresentazioni utopistiche e speranze collettive» nel corso di profonde crisi politiche e sociali, cfr. B. Baczkó, *L'utopia. Immaginazione sociale e rappresentazioni utopistiche nell'età dell'Illuminismo*, Einaudi, Torino 1978, in particolare pp. 457–459.

25 P. Scoppola, *Costituzione contesa*, Einaudi, Torino 1998.

Роберто Валле

Непредсказуемое прошлое светлого будущего. Метаморфозы мифа СССР в Италии

Перевод Анастасии Свотиной

В конце 1920-х гг. тело Ленина, выставленное на обозрение в «мрачном деревянном мавзолее», который возвышался на Красной площади у подножия Кремлёвской стены, казалось Курцио Малапарте иконой некоей идеологии, стремившейся к земному бессмертию. Добрый человек Ленин, «честный служащий беспорядка», уже не был мелким буржуа, сбитым с пути революцией, но стал пророком новой религии, а мавзолеем превращался в своего рода сакральное место, куда ежедневно приходили толпы народа, подобные тем процессиям верующих, которые на Святой Руси направлялись поклониться мощам святых. В 1963 г. историк Клаудио Павоне отправился в СССР в поисках нового мира, который возник в результате событий Октябрьской революции и процесса десталинизации, начатого Хрущёвым. Оказавшись в мавзолее на Красной площади и не сумев сразу же различить, была ли мумия статуей или настоящим человеком, Павоне оставил в своём дневнике вопрос, свидетельствующий о неразрывном переплетении исторической правды и мифа: «Видеть таким образом его тело — что это добавляет той истине, которую для нас олицетворяет собою Ленин?»¹ Религиозный культ Ленина не только претендовал на то, чтобы достичь высот божественного учения, но также считался первым воплощением советского полиморфного мифотворчества, структурированного в виде системы мифологем², которая включала в том числе и миф о распаде СССР. В период между второй половиной 1950-х гг. и началом XXI в. в Италии миф об СССР претерпел некоторые значительные метаморфозы, которые частично были обусловлены полиморфной спецификой советского мифотворчества, а отчасти — непростыми перипетиями итальянской политики.

1 См.: *Malaparte C. Il buonuomo Lenin*. Milano: Adelphi, 2018; *Pavone C. Aria di Russia. Diario di un viaggio in URSS*. Roma; Bari: Laterza, 2016; *Strada V. Lenin, Stalin, Putin*. Soveria Mannelli: Rubbettino, 2011.

2 См.: *Strada V. Nascita e tramonto di un Mito // L'URSS, il Mito e le masse / Socialismo/Storia. Annali della Fondazione Giacomo Brodolini e della Fondazione di Studi Storici Filippo Turati*. Milano: Franco Angeli, 1991. P. 15–22.

Мифо-утопическая генеалогия советской модели действительно породила множество мифологем. 1. Основополагающий миф Октябрьской революции в качестве первой ипостаси Итальянской коммунистической партии (ИКП) и формы её исторической легитимации: эта мифологема играла центральную роль в итальянском политическом дискурсе вплоть до празднования 70-летия Октябрьской революции в 1987 г. Кроме того, данная мифологема не является монолитной; на самом деле существуют по меньшей мере три версии Октября, а именно Ленина, Сталина и Троцкого. Этот распад октябрьского мифа претерпел метаморфозы на молекулярном уровне в условиях существования сонма небольших групп новых левых (в зависимости от обстоятельств — ленинского, сталинского или троцкистского толка) между 1960-ми и 1970-ми гг. Как бы то ни было, революция, постулированная марксистско-ленинской традицией, с её ритуалами и символами, представляла собой миф, способный перенаправить на классовую проблематику протестную активность молодёжи из среднего класса³. 2. Миф о профессиональном революционере как сверхчеловеке: этот миф нашёл воплощение в первую очередь в культе ИКП как особой партии и её руководителей. В период «свинцовых семидесятых» образ профессионального революционера был ресакрализован наряду с культом подпольной организации и мифом об уничтожении буржуазного государства и капиталистического строя. 3. Миф о рабочем классе и диктатуре пролетариата обладал большой притягательной силой вплоть до 1970-х гг. и достиг апогея «жаркой осенью» 1969 г., когда произошла историческая мистико-мифическая встреча «массового интеллектуала» и «массового рабочего». В период между 1968 и 1973 гг. множество небольших группировок затеяло борьбу с ИКП за доминирование над рабочим классом (что было точно отражено Элио Петри в фильме «Рабочий класс попадёт в рай»). 4. Миф об СССР как о беспрецедентной модели общества и родине социализма, которая после победы коммунизма охватила бы в своей бескрайности весь мир. Вплоть до 1970-х гг. для просоветски настроенных итальянцев СССР оставался настоящей родиной. 5. Миф об СССР как о великой мировой державе, способной в планетарном масштабе противостоять гегемонии Соединённых Штатов, по-прежнему существует среди тех, кто испытывает ностальгию по биполярному миру, а в период после Второй мировой войны у него были поклонники даже в кругах левого неофашизма⁴.

3 См.: Flores M., De Bernardi A. Il Sessantotto. Bologna: Il Mulino, 2003.

4 См.: Buchignani P. Fascisti rossi: da Salò al Pci, la storia sconosciuta di una migrazione politica 1943–1953. Milano: Mondadori, 1998. Так, например, в издании «Национальная мысль» Станиса Руинаса выражалась подрывная идея, популистская и тоталитарная, против плутократических демократий, которые колонизировали Италию после 1945 г., а СССР считался ведущим государством в деле мирового восстания угнетённых против западного капитализма.

Помимо присущей ему полиморфности, начиная с большевистского мифотворчества, миф СССР имел также и сотериологический аспект⁵, начиная с большевистского мифотворчества, которое в период расцвета служило источником своего рода историко-идеологического мессианства, стремившегося возвыситься до уровня универсальной ценности, понимаемой как первое воплощение находившейся на этапе становления цивилизации, которая привела бы человечество к коммунизму, в райский сад царства свободы. Фактически действия СССР на международной арене были направлены на то, чтобы привести капитализм к окончательному краху и осуществить освобождение пролетарского Прометея, что положило бы конец эксплуатации человека человеком. Помимо научного характера марксизма-ленинизма (обобщённого в мифе о науке революции), советский миф обладал имагологически⁶ значимой характеристикой как образ светлого будущего, а также сорелианским⁷ смыслом — в качестве катализатора тотальной мобилизации масс⁸. Кроме того, притягательная сила советского мифа проявилась не в его осуществлении, но в его незавершённости, в невыразимости революционного явления, которое попыталось воплотиться в истории, постоянно стремясь к чему-то невозможному⁹. Строительство СССР способствовало своеобразному примирению между научным социализмом и мифом, который, по отношению к советской реальности, вёл свою собственную жизнь. Как историческая реализация захватившей власть утопии, СССР выкристаллизовался в форме мифа¹⁰. Мифическое явление СССР утвердилось и среди самого советского народа — как некое другое место, гетеротопия и/или утопия, как мономиф, не признающий соперников. Независимо от ритуалов

5 Сотериология — богословское учение об искуплении и спасении человека; является частью догматического богословия. — Прим. ред.

6 Имагология — научная дисциплина, занимающаяся изучением складывания, восприятия и преобразования образов чего-либо (страны, народа, культуры и т. д.), а также практическая деятельность по созданию имиджей. Основным предметом исследований имагологии является восприятие образов «других», «чужих», инородных для воспринимающего объекта. — Прим. ред.

7 Сорелианизм — теория Жоржа Сореля о роли мифологии, национальных мифов в жизни людей. Оказала заметное влияние на теории социализма, анархизма и фашизма.

8 См.: Riosa A. I Miti di massa dello stalinismo // L'URSS, il Mito e le masse.

9 Medvedev R. Ascesa e caduta di Nikita Chruščëv. Roma: Editori Riuniti, 1982. P. 199–200. На XXI съезде КПСС в 1959 г. Хрущёв воскресил миф о коммунизме. В восьмидесятые годы коммунизм возник опять как некий вновь обретенный горизонт, который никогда не был достигнут: «Что есть горизонт? Это линия, которая удаляется по мере приближения к ней».

10 Esposito R. Introduzione all'edizione italiana // Kolakowski L. Presenza del mito. Bologna: Il Mulino, 1992. P. 15.

режима и идеологического катехизиса реального социализма, этот миф ещё долго продолжал завораживать и после краха советской империи. Кульминационный момент в вечном обновлении СССР наступил в период перестройки: по мнению мастера русского абсурда писателя Виктора Пелевина, Советский Союз был улучшен настолько, что перестал существовать — как единственное государство в мире, способное попасть в нирвану¹¹. В своём отрицательном значении этот мономиф приобрёл своеобразное выражение в советологической схоластике, которая практиковалась в спорах о сущности советского тоталитаризма: парадоксальным образом советологический эссенциализм (как политологическое учение, основанное на тоталитарной парадигме) не только не предполагал распада СССР, но и укрепил миф о чрезвычайной стабильности советской системы¹². Однако в положительном смысле миф СССР трактовался как кратофания, как восхождение пролетариата в эмпирей власти, как необходимая предпосылка к построению бесклассового общества. До октября 1917 г. Россия считалась отдельным миром и/или деградирующей имитацией европейской цивилизации. После большевистской революции установилось раздвоение советского мифа: в своей положительной версии он проецировал образ Советского Союза как модели для подражания; в негативном понимании, напротив, миф Советской России выразился в форме чудовищной аномалии. Как утверждает Витторио Страда, миф Октябрьской революции не исчез: Красный Октябрь остаётся основополагающим космогоническим мифом нового порядка. По мнению Ланаро, миф СССР как миф о строительстве, созидании родины в другом месте не совпадает с октябрьским мифом — мифом по своему характеру миллениаристским, сорелианским, мифом о перерождении мира¹³. Октябрьская революция не только вызвала к жизни своего рода социализм дарующий, укрепившийся на международной арене в качестве модели, предназначенной на экспорт в другие страны (в том числе и с помощью Красной армии). Благодаря свойственной революции фатальности, как полагают некоторые, её великое прошлое по-прежнему раскрывается в будущем, лежащим перед ней¹⁴. Удивительно, что реактуализация Октября зеркально отражает прежний антикоммунистический миф, извлечённый из чёрных книг коммунизма.

11 Pelevin V. *Babylon*. Milano: Mondadori, 2000. P. 13.

12 См.: *The Totalitarian Paradigm after the End of Communism. Towards a Theoretical Reassessment* / ed. A. Siegel. Amsterdam; Atlanta: GA, 1998.

13 См.: *Il Pci nell'Italia repubblicana 1943–1991 // Annali 1999 Fondazione Istituto Gramsci* / ed. Gualtieri. Roma: Carocci, 2001. P. 395.

14 В № 3 за 2001 г. журнала «Л'Эрнесто» (журнал Партии коммунистического возрождения) была опубликована статья Джильберто Вольты «Октябрьская революция: ворота в будущее». Вольта утверждает, что Октябрь не только был неизбежен, но пробил «брешь, проход в будущее, к достижению пятой стадии человеческой цивилизации, к обществу свободных и равных, к коммунистическому обществу».

Подобные варианты реактуализации — анахронически-диахроническое смещение установок менталитета, сформировавшегося в период 1950–1970 гг. в теневой стороне идеологии вокруг мифов коммунизма и антикоммунизма и по-прежнему являющегося источником определенной онейрической субкультуры. В этом смысле коммунистические и антикоммунистические мифы стали постоянной отличительной чертой итальянской идентичности. Советский Союз всё ещё представляет собой призрак, который бродит по Италии, а наличие мифа подтверждается постоянством того идеологического онейризма¹⁵, который лежит в основе политических мифов XX в. Поэтому миф СССР следует анализировать в соответствии с теми историографическими характеристиками, которые позволяют рассматривать это явление со всеми присущими ему метаморфозами в его разные периоды, и с использованием таких инструментов культурной критики, которые допускают свободное и трезвое толкование общих мест, призраков и притязаний идеологического онейризма.

РОЖДЕНИЕ И ЗАКАТ МИФА О СТАЛИНЕ. ДЕСТАЛИНИЗАЦИЯ И МИФ О ПЕРМАНЕНТНОЙ РЕФОРМЕ: ОТ ХРУЩЁВА ДО ГОРБАЧЁВА

В 1989 г. в Кортоне состоялась конференция, посвящённая мифу СССР. В тот период перестройка пользовалась огромной популярностью на Западе и казалась источником нового мифа — о демократическом коммунизме.

Приход к власти Горбачёва, казалось бы, свидетельствовал о том, что СССР, освободившись от сталинизма и застоя позднего тоталитаризма, вновь обретал свою первоначальную революционную чистоту. Таким образом, перестройка рассматривалась как своего рода начальный и начавшийся социализм, который сказку сделал бы былью¹⁶. В предисловии к публикации материалов конференции в Кортоне Марчелло Флорес, охарактеризовав полиморфную специфику советской мифологии, утверждает, что миф СССР испытывал «непрерывное и постоянно повторяющееся возрождение», о чём свидетельствует и сам кризис мифа, пережитый как травма и внезапное откровение¹⁷. Отметив, что вопросы, касающиеся мифа СССР в послевоенной Италии, всё ещё ожидают подробного исследования, Флорес считает, что основополагающим элементом данного мифа является фигура Сталина, которого воспринимают как символ победы над нацизмом (даже Де Гаспери

15 Онейризм — психопатологический синдром, характеризующийся особым видом качественного нарушения сознания.

16 *Karpinskij L. Il mito dell'Urss nella cultura occidentale // Il mito dell'URSS. La cultura occidentale e l'Unione Sovietica* / eds. Flores M., Gori F. Milano: Franco Angeli, 1990. P. 109–114.

17 *Flores M. Introduzione // Il mito dell'URSS. La cultura occidentale e l'Unione Sovietica*. P. 9–13.

в 1944 г. отдал дань военному гению Сталина), а Сталинград оказался знаком этой победы. По мнению Ролана Барта, ритуальное прославление Сталина обрело черты мифического слова в чистом виде. Сталин был сакрализован и как образ иррационального и невыразимого стал объектом своего рода мифифицирующей деполитизации. Возвысившийся до трансцендентности мифа Сталин-икона — это отрицание революции, катартический акт, который предназначен для высвобождения политического заряда, накопившегося в мире¹⁸. По мнению Гоццини, миф Сталина поддерживается тремя образами (жреца, воина и производителя), которые, как представляется, вызывают в памяти три функции, помещённые Жоржем Дюмезилем в основу эпоса индоевропейских народов¹⁹. В течение 15 лет, согласно Флоресу, советский миф в Италии сохранял неизменными свои очертания и основывался на триаде: Сталинград, социализм, мир (СССР как защитник мирного порядка в биполярной системе). ИКП пропагандировала и сделала всеобщим достоянием этот миф, который принял массовый характер, утверждая радикальную инаковость СССР, поскольку он не соответствовал существовавшим государственным образованиям²⁰. СССР как центр распространения интернационалистического мессианства стал местом паломничества итальянских коммунистов, которые чувствовали себя изгнанниками на своей родине — «советскими гражданами» в Италии. Восторженные доклады о путешествиях публиковались коммунистической прессой и издательствами, стремившимися получить монополию на образ СССР в Италии²¹. Иногда устраивались коллективные паломничества и собирались свидетельства об удивительных завоеваниях советского социализма. Так, например, книга «Мы побывали в СССР»²² представляет собой свод стереотипов о блистательном настоящем в период сумерек сталинской эпохи. С другой стороны, советский миф был

18 Barthes R. Il mito, oggi // *Idem*. Miti d'oggi. Torino: Einaudi, 1994. P. 226–227.

19 Gozzini G. Il Pci nel sistema politico della Repubblica // *Il Pci nell'Italia repubblicana 1943–1991*. P. 116–117.

20 Flores M. Il mito dell'URSS nel secondo dopoguerra // *Nemici per la pelle. Sogno americano e mito sovietico nell'Italia contemporanea* / ed. D'Attorre P.P. Milano: Franco Angeli, 1991. P. 491–506. Армандо Коссутта (в статье, опубликованной в ноябре 1950 г. в «Куадерно дель'Аттивиста» и озаглавленной «Улучшать и усиливать нашу пропаганду о Советском Союзе») утверждал, что СССР был «чудесным воплощением устремлений всех трудящихся», «подлинным и действительным образцом», и поэтому ИКП должна была «дать итальянцам» то, чем «уже обладали советские граждане».

21 История путешествий итальянских интеллектуалов в СССР в пятидесятые годы была кратко воссоздана Лорето Ди Нуччи. См.: *Di Nucci L. I pellegrinaggi politici degli intellettuali italiani // Hollander P. Pellegrini politici. Intellettuali occidentali in Unione Sovietica, Cina e Cuba*. Bologna: Il Mulino, 1988. P. 621–677.

22 См.: *Noi siamo stati nell'URSS*. Firenze: Macchia, 1950. В книге собраны свидетельства А. Банфи, Р. Бьянки-Бандинелли, Р. Гуттузо, П. Роботти.

охарактеризован как контрмиф по отношению к массовому распространению в Италии идеалов американского образа жизни и американской мечты²³. Как отметил В. Страда²⁴, для многих интеллектуалов советский миф и марксистско-ленинский «византизм» выполняли компенсаторную функцию этико-эстетического характера в отношении трудностей, спровоцированных современным миром. Интеллектуалы одновременно и творили миф, и поклонялись ему, поскольку до середины 1950-х гг. СССР транслировал за свои пределы образ блестящего энергичного подъёма (в противоположность упадку капитализма), и этот образ прочно осел в коллективном воображении. Со своей стороны, Северино Галанте²⁵ подчёркивает врождённую аллотропию мифа СССР: соединяя политическую страсть и идеологическую схоластику, руководимая Тольятти ИКП осуществила бы своего рода «национализацию масс с помощью советского мифа». По мнению Флореса, агиографическое и некритическое видение СССР служило стратегии новой партии, создаваемой Тольятти. Кроме того, Флорес проводит различие между «радостным простодушием писателей» и упрямым и мрачным фидеизмом руководителей. Тем не менее ликующий филосоветизм интеллектуалов был важным элементом передачи, своего рода трансмиссией, который позволял массам принимать миф СССР посредством отождествления. После 1956 г. и развенчания Хрущёвым культа личности начинается процесс перехода от обожествления образа Сталина к его полному очернению. *Reductio ad Hitlerum* (то есть сведение образа Сталина до уровня Гитлера) как перманентное превращение его в чудовище открыто осудили Доменико Лосурдо и Лучано Канфора, представители барийской школы, которая следует по стопам Маркса и Грамши. Написанный Троцким и Хрущёвым карикатурный портрет Сталина, по мнению Лосурдо, является не только пропагандистской фальсификацией, позволившей Западу развязать идеологический конфликт против советского тоталитаризма, но и нацелен на то, чтобы скрыть историческую правду о сталинской эпохе. Лосурдо считает, что Сталин проявил исключительный политический талант — как в годы построения Советского государства, так и во время Великой Отечественной войны, — не просто спасший родину социализма от децимации и порабощения Третим рейхом, но и обеспечивший СССР подъём до уровня мировой сверхдержавы. Со своей стороны, Канфора сравнивает Сталина с Периклом, который научил народ Афин одной великой геополитической истине: нельзя сбежать от империи, потому что в высшей степени рискованно дробить её. После 70 лет держава Перикла пала по вине тех самых афинских стратегов, в частности Адиманта,

23 См.: *Nemici per la pelle. Sogno americano e mito sovietico nell'Italia contemporanea*.

24 *Strada V. Nascita e tramonto di un mito // L'URSS, il mito e le masse*.

25 *Galante S. I comunisti italiani e il mito sovietico nel secondo dopoguerra. Tra "emotional russophilia" e organizzazione // L'URSS, il mito e le masse*. P. 407.

которые в решающей битве при Эгоспотамах предали дело империи. И даже подчёркивая неосторожность исторических аналогий, Канфора отводит роль Адиманта Горбачёву²⁶.

Для Флореса, напротив, миф СССР, после череды перипетий, подошёл к своему завершающему моменту в 1956 г., то есть после XX съезда КПСС и начавшейся десталинизации. Но даже и после 1956 г. СССР не воспринимался как поверженный кумир. Советский миф фактически утрачивал собственную монолитность, и происходило своего рода раздвоение образа СССР, что стало основой идеологической бифуркации. С одной стороны, СССР всё также воспринимали в его неизменности платоновской модели, выкованной демиургами Лениным и Сталиным и вознёсшейся в эмпирию бессмертия (что репрезентировано трупным окоченением забальзамированных останков Ленина, погребённых в мавзолее). Подобная проекция мифа обретёт новую жизнь в среде защитников реального и «развитого» брежневского социализма: апология реального социализма использовалась не только в целях поддержания эмоциональной советофилии и основных инстинктов в массах сохранившихся поклонников, но также пропагандировалась тем течением ИКП, которое в 1991 г. стало источником раскола в коммунистическом возрождении. С другой стороны, с процессом десталинизации и наступлением хрущёвской эпохи утвердился новый миф — о перманентной реформе советской системы. Как вспоминает В. Страда в своей автобиографии, после XX съезда КПСС он вступил в ИКП, поскольку хрущёвское правление связывалось с мифическим, идеализированным ленинизмом: такой странный союз воспринимался как антисталинский и вытекал из заблуждения об идущем внутри самой системы процессе демократического реформирования²⁷. Иллюзия демократизации советской системы возникла вновь во время перестройки, а в Италии она претерпела дальнейшую метаморфозу в мифическом образе Горбачёва-реформатора. Самые яркие проявления интеллектуальных и политических восторгов, вызванных перестройкой, не просто вдохновляют анахронические явления²⁸, но обнаруживают свои истоки в мифологиях о хрущёвском десятилетии. В «Истории Советского Союза» (опубликованной в 1978 г., русскоязычное издание — в 1990 г.) Боффа противопоставляет поворот в сторону реформ, заданный Хрущёвым в 1956 г. (несмотря на вмешательство в события в Венгрии, которое было определено как крайняя мера для предотвращения

26 См.: *Losurdo D.* Stalin. Storia e critica di una leggenda nera. Con un saggio di Luciano Canfora. Roma: Carocci, 2008.

27 *Strada V.* Autoritratto autocritico. Archeologia della rivoluzione d'Ottobre. Roma: Liberal Edizioni, 2004. P. 23–28.

28 В 1995 г. ветераны перестройки отмечали в Генуе десятилетие «революции Горбачёва». Своего рода сюрреалистическое «параллельное действие», не отличающееся от подготовки к празднованию габсбургского мифа в преддверии распада Австро-Венгрии в романе «Человек без свойств» Р. Музиля.

надвигавшейся катастрофы), регрессивному повороту, заложенному Брежневым и достигшему своего апогея с вторжением в Чехословакию и с ползучей ресталинизацией советской системы. Несмотря на то что в брежневскую эпоху СССР переживал существенное снижение своего идеологического влияния, идеал не мог быть сведён к «простому иллюзорному значению современного мифа». В 1978 г., по мнению Боффы, нельзя было смириться с мыслью, что СССР не мог выйти за пределы реального социализма, и ожидалось такие новаторские решения, которыми была насыщена советская история²⁹. С приходом к власти Горбачёва стал завоевывать популярность миф о возникновении демократических веяний в КПСС под влиянием ИКП: казалось, что международное коммунистическое движение реорганизовывалось, расширяя собственный идеологический горизонт до социал-демократии, для построения демократического социализма с человеческим лицом. В постскрипуме к «Истории Советского Союза» (переизданной в 1990 г. газетой «Унита») Боффа утверждает, что перестройка была неизбежным новаторским ответом, предсказанным в первом издании его книги в 1978 г.³⁰ Программа реформ Горбачёва была более радикальной и честолюбивой, чем предложенная Хрущёвым, и поэтому Боффа выражал (в декабре 1990 г., когда перестройка уже превратилась в «катастрофку») надежду, что горбачёвская реформаторская деятельность, возможно, испытывала головокружение от успехов³¹.

ДОЛГИЙ ПУТЬ СКВОЗЬ ИТАЛЬЯНСКИЙ ШЕСТЬДЕСЯТ ВОСЬМОЙ ГОД И СОВЕТСКИЙ МИФ: ПРОТЕСТ И РЕВОЛЮЦИЯ

Как утверждает Бруно Бонджованни³², в 1968 г. «острое столкновение между идеологией и менталитетом» изжило себя: подобный конфликт породил странную смесь старых и новых мифов. В некоторых случаях из слияния различных субкультур возник парадоксальный синтез американской мечты (бит-поколение, альтернативная психоделическая культура) и ленинского мифа о строительстве революционной партии³³. Долгий итальянский шестьдесят восьмой продлился целое десятилетие; в течение этого периода

29 *Boffa G.* Storia dell'Unione sovietica 1945–1964. Roma: L'Unità, 1990. Vol. 4. P. 355–370.

30 В этой связи см. также: *Rubbi A.* Incontri con Gorbaciov. I colloqui di Natta e Occhetto con il leader sovietico: giugno 1984 – novembre 1989. Roma: Editori Riuniti, 1990. Как свидетельствует Рубби, при запуске перестройки Горбачёв нашёл источник вдохновения, среди прочего, читая книгу Боффы.

31 *Boffa G.* Storia dell'Unione sovietica 1945–1964. Vol. 4. P. 371–386.

32 *Bongiovanni B.* Società di massa, mondo giovanile e crisi dei valori. La contestazione del '68 // La storia / eds. Tranfaglia N., Firpo M. Vol. VII. L'età contemporanea, t. 2. La cultura. Torino: Utet, 1988. P. 671–694.

33 *Balestrini N., Moroni P.* L'orda d'oro 1968–1977. La grande ondata rivoluzionaria e creativa, politica ed esistenziale. Milano: Feltrinelli, 2003. P. 154–170.

большевистско-советская (в том числе с точки зрения маоизма) политическая лексика пережила новый расцвет и способствовала как развёртыванию революционного насилия, так и появлению мифа о борьбе за завоевание власти и свержение буржуазной системы. В первой половине 1960-х гг. Пьер Паоло Пазолини в «Диалогах» с читателями журнала «Вие Нуове» отмечал возникновение этих новых ориентиров, а уже в 1965 г. он утверждал, что на горизонте появился своего рода «битниковский сталинизм», культивируемый некоторыми «негодующими и неизвестными мелкими компаниями» (в частности, писатель упоминал группу, связанную с журналом «Куадерни Пьячентини»), которые с присущим им «морализирующим максимализмом» порицают всё и всех (возможно, и заслуженно: но их ошибка в том, что они навязчиво указывают на свою правоту)³⁴. И хотя эта работа Пазолини проникнута ностальгией по мифическому и тенденцией к ресакрализации (в этом смысле поэт недвусмысленно ссылается на урок Элиаде), она осуществила мгновенную демистификацию антикоммунистического и советского мифов. В 1957 г. Пазолини побывал в СССР и констатировал факт несовершенства человека: даже сделав так, чтобы исчезли социальные классы, иная организация общества не могла изменить пороки, приобретённые за многовековую историю; а потому русские по-прежнему были «ленивыми, сложными и неумеренными, как во времена Достоевского». Пазолини полагал, что истинные ценности социализма возникнут из классовой борьбы и рабочий класс осуществит революцию. Тем не менее в 1960-х гг. русская, китайская и кубинская революции возвратили писателя к реальности, и он навсегда оставил блаженный оптимизм. В то же время в Италии происходила революция прикладной науки — высшей стадии неокapитализма, которая, казалось, следовала дорогой, совпадавшей с устремлениями масс, а последняя надежда на обновление ценностей посредством коммунистической революции будто бы исчезала на горизонте³⁵. Кроме того, в 1960-е гг. Сталин представлялся уже человеком ушедшей эпохи, набальзамированной иконой архаической и дикой религиозности, заключённой в культе личности. Вместо того чтобы извлекать уроки из собственной истории, просоветски ориентированные итальянцы устремлялись за мелкобуржуазным мифом о покорении космоса Советским Союзом. В 1965 г., вернувшись из путешествия в Чехословакию и Венгрию (где, между прочим, он встретил Лукача, «оглашённую цикаду» и «машину для мышления», которая непрерывным потоком порождала видения о преодолении), Пазолини предостерегал, что и в Италии не рассеялись существовавшие призраки (конформизм, сталинизм, партийный патриотизм, отсутствие критики или же чисто номинальная самокритика). Казалось, расхождение между коммунизмом-режимом

34 *Pasolini P.P. Le belle bandiere. Dialoghi 1960–1965 / ed. Ferretti G.C. Roma: Editori Riuniti, 1977. P. 359.*

35 *Pasolini P.P. Il sogno del centauro / ed. J. Dufлот. Roma: Editori Riuniti, 1983.*

и коммунизмом-движением (или между властью и культурой) зашло в тупик: раскол между СССР и Китаем разделил на две части Коммунистический Интернационал; изжил себя разрыв между компартиями наименее развитых и промышленно развитых стран; независимо от мифа о переломе 1956 г., таинственное низложение Хрущёва спровоцировало крах определённой политической стратегии, не заменив её какой-либо другой. Централизация власти сделала тяжёлым положение интеллектуалов в социалистическом лагере и вновь распалила притязания мелких националистов в Восточной Европе³⁶. Тайна «другого места» разрушилась одновременно с «фантастическим сопоставлением с собственными ценностями». В период между 1968 и 1970 гг. (раздел «Хаос» в издании «Темпо») Пазолини отмечал закат советского мифа, который «менял окраску», находясь в серой зоне реального социализма, в этом царстве глупых слуг: «Миф СССР не просто завершён, но он закончился, превратившись в негативный и угрожающе смехотворный миф». Со своей стороны, советский народ, казалось, замкнулся в необъяснимом и трагическом безмолвии. После советского вторжения в Чехословакию это молчание было нарушено одиноким криком Яна Палаха, который, по мнению Пазолини, вверг в кризис процессии молодёжных протестов, поскольку в красном мире допускалась лишь одна жестокая свобода, а именно свобода жертвенного самосожжения, не отличающегося от того, которое совершали вьетнамские бонзы. Палах был современным святым³⁷. В полемике вокруг антропологической революции в Италии (в ней принимали участие Альберто Моравиа, Маурицио Феррара, Итало Кальвино и Джулио Андреотти) Пазолини, помимо выдвижения идеи, что ИКП — это своего рода чистая страна внутри страны нечистой, вновь предлагал (в интервью «Мондо» от 11 июля 1974 г.) советский миф в качестве спорного кумира, который можно было противопоставить итальянской культурной унификации. В то время как социокультурная гомогенность в Италии и на Западе была навязана властью и вызывала отвращение и отчаяние, советское единообразие казалось поразительным, поскольку в СССР не существовало классовых различий, а народ в результате революции добился высшей свободы. С характерной для неё неотвратимостью революция прикладной науки породила новую, гомогенизирующую, гедонистическую идеологию потребления, которая предопределила поражение рабочей революции с последующим закатом гуманистического марксизма и торжеством технологического капитализма. В то время как СССР представал отныне ретроспективной утопией, проекцией романтического антикапитализма, молодёжное протестное движение 1968 г. не переросло в революцию, а «долгий крик» казался своего рода

36 *Pasolini P.P. Le belle bandiere. Dialoghi 1960–1965. P. 287–293.*

37 *Pasolini P.P. Praga: una atroce libertà // Idem. Il caos / ed. Ferretti G.C. Roma: Editori Riuniti, 1995. P. 103–105.*

экзорцизмом и прощением с марксистскими надеждами³⁸. Столкнувшись с этим эпохальным переломом, огромное множество небольших групп, возникших в результате молодёжных протестов, порождало интровертную политическую культуру и «неождановскую» схоластику. По мнению Пазолини, ИКП так и не довела до конца критику сталинизма. Критическая полемика пошла на спад, а сдвиги влево вызвали обратный эффект, породив феномен неосталинизма во внепарламентских группах. Это новое явление выступало как своего рода левый фашизм, «морализирующий в ответ на ревизионизм и фанатичный в ответ на хитроумную тактику, теологический в ответ на квалюнквизм и шантажистский в ответ на оппортунизм»³⁹. Возмездие ревизионистам-рenegатам из ИКП стало идеологическим фоном поисков недостижимой революции: новые левые брали за образец китайскую культурную революцию и маоизм, осуждая социал-империализм СССР. Поиск другого Октября или же «другого Египта» (троцкистского, оперистского, маоистского, албанского, кубинского, вьетнамского) оказался в центре онейрическо-идеологической полемики, главным действующим лицом которой было «поколение потерянных лет» и которая явилась по сути школой культурного конформизма, формировавшей по большей части мелких служащих «революции завтрашнего дня», вышедших из 1970-х гг. обессиленными и опустошёнными в результате чрезмерного преклонения перед разными идеократическими симулякрами.

ИНАКОМЫСЛИЕ И ПОЛЕМИКА ВОКРУГ КОНЦЕНТРАЦИОННОГО МИРА: «ЛИШНИЙ ЧЕЛОВЕК» СОЛЖЕНИЦЫН

К периоду конца 1960-х и первой половины 1970-х гг. относится также и история несостоявшейся встречи итальянского протестного движения и советского инакомыслия. Во вступлении к антологии сочинений советских диссидентов (опубликована в 1974 г. у Савелли, издателя новых левых)⁴⁰ Синатти отметил, что в целом итальянские левые силы обошли молчанием проблему диссидентства в СССР. Со своей стороны, новые левые нашли другую родину осуществившегося коммунизма и связывали себя с китайской культурной революцией, которая воспринималась как победоносная борьба против бюрократического вырождения социалистических обществ Восточной Европы. С некоторым недоумением ИКП смирилась с процессом нормализации в Чехословакии в правление Гусака, в то время как внепарламентские левые продолжали хранить молчание. Действительно, в среде новых левых интерес к СССР исчерпывался

38 *Pasolini P.P. Scritti corsari. Milano: Garzanti, 1981. P. 70–71.*

39 *Pasolini P.P. Empirismo eretico. Milano: Garzanti, 1981. P. 163.*

40 *Sinatti P. Introduzione // Il dissenso in URSS / ed. Sinatti P. Roma: Savelli, 1974. P. 7–40.*

в доктринальном споре о социальной природе советского эксперимента: этот спор преимущественно направлялся извне, со стороны китайского теоретизирования о социал-империалистическом характере Советского Союза. Согласно Синатти, проблема инакомыслия была невыгодной как для ИКП (которая, с целью соответствовать собственному «филосоветскому» базису, называла диссидентов «фашистами»), поглощённой тем, чтобы предотвратить сильнейшие разногласия с СССР, так и для новых левых. Последние были заняты разоблачением мистификаций передового капитализма, в то время как диссидентское движение ставило вопрос именно о тех формальных свободах и правах человека, которые были дискредитированы и демистифицированы множеством мелких партий. С позиции новых левых диссиденты вели арьергардный бой, а нравочения правых на тему гражданских прав не очень хорошо согласовывались с классовой борьбой, поскольку они не имели никакой связи с экономическими и политическими требованиями рабочего класса. В 1970-е гг. во Франции «новые философы» (почти все — бывшие участники событий 1968 г. или бывшие маоисты, ученики Лакана и Фуко, Леви-Стросса и Альтюссера) открывали для себя Солженицына и «Архипелаг ГУЛАГ» (опубликованный во Франции в 1974 г.) и обличали то варварство «с человеческим лицом», которое возникло из «невозможной революции»: на деле любая революция ведёт к рабству, а советский социализм не был альтернативой капитализму, но его менее удавшейся и, по большей части, концлагерной формой. В частности, Глюксманн обвинял старых и новых левых в презрительном отношении к диссидентам: репрессии в СССР, Китае, Камбодже и Вьетнаме не были самоочевидным фактом, а левые отказывались от собственного прошлого и не понимали центральной роли феномена ГУЛАГа для объяснения происхождения и путей развития советского эксперимента. В своих размышлениях об «Архипелаге ГУЛАГ» Клод Лефор (представитель, наряду с Касториadisом, группы «Социализм или варварство») утверждал, что даже после смерти Сталина (которого Солженицын определял как эгократа) советский социализм по-прежнему предстал как некий другой мир, который выпал из истории и обладал особой «эволюцией», измеряемой на основании показателей производства. Во введении к итальянскому изданию книги Лефора о «лишнем человеке» Солженицыне Паоло Флорес д'Аркаис отметил, что писать о ГУЛАГе для левых было отчаянно необходимым занятием, потому что концентрационный мир являл собою ключевую истину советского режима⁴¹. И, противопоставляя эту истину идеологической лжи, произведение Солженицына нарушало мечты французских и итальянских левых о социалистической гармонии, поскольку оно оскверняло миф о происхождении,

41 *Flores D'Arcais P. Introduzione // Lefort C. L'uomo al bando. Riflessioni sull'Arcipelago Gulag. Firenze: Vallecchi, 1980.*

приписывая Ленину роль демиурга этой вселенной концентрационных лагерей: таким образом, концепция сталинизма становилась неприменимой, будучи отклонением и злосчастным отступлением от неудержимого марша по направлению к царству свободы. Иконоборчество «новых философов» спровоцировало в Италии такую полемику, в которую оказались вовлечены как связавшая себя обязательствами и/или завербованная интеллигенция, так и некоторые члены руководящей группы ИКП. Умберто Эко (в газете «Коррьере делла Сера» от 27 июля 1977 г.) высказал мнение, что приведение к единообразной форме, уравнивание «новых философов» и советских диссидентов было поспешным: в то время как последние расходились с официальными левыми, «новые философы» подвергали критике прагматико-рациональное видение, присущее западной культуре. С другой стороны, необъяснимым был тот факт, что «Архипелаг ГУЛАГ» вызвал своего рода идеологический коллапс: Солженицын был только летописцем, а не провидцем, как Оруэлл в романе «1984» и Хаксли в «Дивном новом мире». Рассматривая ГУЛАГ как парадигму реального социализма, по мнению У. Эко, «новые философы» примыкали к реакционному католическому пессимизму Жозефа де Местра: действительно, трепет перед «вечным» ГУЛАГом проистекал из произведения Солженицына, которое могло быть вписано в традицию русского мистицизма XIX в. В значительной степени это культурное течение питалось идеями Жозефа де Местра, который рассуждал в Петербурге о «вечном ГУЛАГе, о якобинской иллюзии, о Молохе революции, о предназначении каждой человеческой истории породить только великие (и по его мнению) очищающие кровопролития»⁴². Для В. Страды, напротив, Солженицын открыл новый этап антикоммунизма, который не смешивался с антисоветизмом: антикоммунизм писателя был, по сути, типично русским, а потому диссидентским; он возвращал к русскому национальному сознанию и представлялся новым исследованием досоветской истории⁴³. В 1977 г. небольшое коммунистическое издательство «Ла Пьетра» опубликовало с примечаниями Умберто Террачини мемуары Данте Корнели — рабочего, коммуниста, который отбывал заключение в период между 1936 и 1960 гг. в ГУЛАГе в Воркуте по обвинению в контрреволюционной троцкистской деятельности. На четвёртой странице обложки мемуары Корнели были представлены в идеологически выдержанном тоне: пролетарский боец, не отрёкшийся от своих идеалов, противопоставлен «мелкому буржуа» Солженицыну, который искал «объяснения, всеобъемлющие и противоположные коммунизму, в иррациональных убеждениях, теряющих всякое

42 U. Eco. Il vecchio pessimismo // *Fallica A. I "nuovi filosofi"*. Ironia e provocazione. Palermo: Celebes, 1978. P. 67–71.

43 *Strada V. L'accoglienza occidentale all'anticomunismo russo // Il mito dell'URSS. La cultura occidentale e l'Unione Sovietica*. P. 295–302.

критическое измерение, полезное для понимания реальности»⁴⁴. В 1977 г. в издательстве «Наполеоне» вышла книга «Кто такие советские диссиденты?» — сборник статей и документов из советской печати с вступительной статьей Амброджо Донини⁴⁵. По мнению Донини, движение инакомыслия не только заняло руководящую позицию в новой волне антисоветизма, но было также и посягательством на процесс разрядки напряжённости (торжественно начатый Хельсинскими соглашениями 1975 г.), которая стала возможной благодаря 60-летнему строительству СССР: поиск уникальных форм социализма представлял собой угрозу для счастливо достигнутого в Европе равновесия. В октябре 1976 г. состоялась трансляция специального новостного выпуска Tg1, посвящённого диссидентскому движению. Главным героем специального выпуска стал Андрей Амальрик, который в работе «Просуществует ли Советский Союз до 1984 года?» (опубликована в Италии в 1970 г.) предсказал неизбежный крах СССР, спровоцированный кризисом бюрократической системы и сокрушительным поражением в войне с Китаем. Лучо Ломбардо Радиче, несмотря на то что в 1968 г. уже предположил возможность падения коммунизма (поскольку не существовало никакого социалистического провидения, способного *a priori* гарантировать его воскрешение), опубликовал статью в газете «Унита», в которой обвинял Амальрика как фанатика антисоветизма, считавшего СССР самой консервативной и отсталой страной в мире. Тот же Ломбардо Радиче в интервью, данном журналу «Энкаунтер» (май 1977 г.), придерживался мнения (по вопросу об историческом компромиссе и вхождении ИКП в правительственные круги), что никто не может желать регресса, перехода от лучшего состояния общества к худшему. Однако Солженицын двигался именно в этом направлении, выражая надежду на возвращение к Святой Руси. Для Ломбардо Радиче диссиденты представляли незначительные меньшинства, которые не подвергали «опасности» социализм. И потому нужно было позволить Солженицыну вернуться в СССР, чтобы проповедовать своё «Евангелие»:

44 См.: *Corneli D. Il redivivo tiburtino. Un operaio italiano nei lager di Stalin / ed. Carloti A. Firenze: Liberal Libri, 2000. P. 238–239*. Как отмечает Барбара Спинелли, Корнели «использовали как орудие, чтобы нейтрализовать Солженицына»: «выживший тибуртинец» вышел из ГУЛАГа целостной личностью, сохранив то же самое мировоззрение, которое в 1921 г. сделало его коммунистом. И потому намерение заключалось в том, чтобы продемонстрировать: сталинские лагеря не были, как лагеря «гитлеровского капитализма», тотальным отрицанием, стремившимся к полной ликвидации человека во имя нового, варварского и разрушительного, образа мыслей. С точки зрения коммуниста, ГУЛАГ был своего рода исправительной «педагогической поэмой», иногда показывавшей очень суровый, несправедливый и своевольный характер. См.: *Spinelli B. Arcipelago Italia // La Stampa*. 2001. 2 marzo.

45 *Chi sono i dissidenti sovietici? Articoli e documenti della stampa sovietica. Introduzione di Ambrogio Donini. Roma: Napoleone, 1977*.

таким образом бессодержательность его предложений сразу же стала бы очевидной⁴⁶. Как вспоминает Барбара Спинелли, Солженицын и диссиденты нарушали неопределённые проявления ревизионизма и властные стратегии итальянского коммунизма: в отличие от французской, итальянская интеллигенция вновь открывала идеологический конформизм и достоинства от пособничества. Изобличительной в этой связи предстаёт история «Биеннале инакомыслия» 1977 г.⁴⁷

ЕВРОКОММУНИСТИЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И ОКТЯБРЬ

В первой половине 1970-х гг. ИКП переживала период еврокоммунизма, который характеризовался принятием демократического плюрализма и провозглашением независимости от СССР. Джанни Черветти (руководитель административного и финансового отдела ИКП) было поручено объяснить еврокоммунизм советской стороне в статье, напечатанной в «Правде» 25 июля 1976 г.⁴⁸ Берлингуэр, хотя и отстаивал необходимость создания особого, отличного от советского, социализма и обличал «реакционные черты» реального социализма, в отличие от лидера испанских коммунистов Сантьяго Каррильо, не осквернил момент рождения коммунистического движения — Октябрьскую революцию, которая, как могло показаться, исчерпала свою движущую силу. По случаю 60-й годовщины Октябрьской революции Берлингуэр заявил, что демократия была «исторически универсальной ценностью»: на её основе нужно было строить то социалистическое общество, которое по своему происхождению являлось наследием 1917 г. Из конфиденциальных записей Антонио Тато (официального представителя и руководителя отдела печати ИКП), отправленных

46 См.: *Bensi G. Mosca e l'eurocomunismo*. Milano: La Casa di Matriona, 1978. P. 12–15, 29–33.

47 Finetti U. *La Biennale del dissenso // L'Ircocervo*. A. 2. № 3. P. 58–62. «Биеннале инакомыслия», которую хотели и поддержали социалисты, была почти что проигнорирована коммунистической интеллигенцией (Боффа выступил на конференции об «исторических моментах инакомыслия», Ноно назвал биеннале «запрограммированным и пошлым содроганием антисоветизма», в то время как «Унита» раскритиковала доклад Колаковского за недостаточную историческую глубину, поскольку в нём содержался тезис о тождественности коммунизма и тоталитаризма) и была бойкотирована СССР.

48 См.: *Cervetti G. L'oro di Mosca. La verità sui finanziamenti sovietici al Pci raccontata dal diretto protagonista*. Milano: Baldini & Castoldi, 1999. Как вспоминает сам Черветти, представители советской стороны свели его статью к значениям идеологического «выравнивания» в той части, где он утверждал, что ИКП разрабатывала «планы развития по направлению к социализму», осознавая, что эта работа велась в рамках «плюралистической и демократической» системы; в итоге термин «плюралистическая» был вычеркнут и заменён на «многообразная».

Берлингуэру между 1969 и 1981 гг., следует, что для руководства ИКП Советский Союз оставался «местом начала *единственного* общего и объединённого процесса, а именно построения социализма в мире». В 1917 г. революция неожиданно произошла в России — одном из самых слабых звеньев в цепи капиталистических держав. В 1970-х гг. она должна была внезапно проявиться в самых главных центрах капиталистической цивилизации, и не в Соединённых Штатах (запутавшихся в сетях капиталистической модели), а в Европе, «изменённой, сплочённой и направленной к социализму усилиями борьбы и объединённой инициативой коммунистических партий и революционных, народных, демократических европейских сил»⁴⁹. И поэтому Западная Европа, узловой центр мирового кризиса, должна была начать движение в сторону другой революции, отличной от той, что произошла в 1917 г.: большевистская революция решила историческую задачу-минимум, а её итальянским и европейским наследникам надлежало выйти за границы Октября, указав некий «третий путь»⁵⁰. Еврокоммунистическая революция была лишена догматизма и должна была соединить лучшие качества западной демократии и советского социализма как для того, чтобы избежать паралича исторического развития разделённого на блоки мира, так и для того, чтобы построить новую, превосходящую уже возникшие, цивилизацию. Задача еврокоммунистов состояла в том, чтобы обеспечить независимость поведения и суждений в отношении СССР и построенного к тому моменту социализма, не становясь при этом антисоветскими провокаторами. Советская действительность по-прежнему превосходила реалии в странах, управляемых социал-демократическими правительствами. В этой связи коммунистам не следовало опираться на манихейское и реакционное мнение, сформулированное Кракси, который считал СССР чистой ошибкой и идеологическим и геополитическим чудовищем и, опираясь на это негативное представление, хотел преодолеть раскол 1921 г. Итальянским коммунистам, по мнению А. Тато, не нужно было превращаться в социал-демократов, а СССР должен был оставаться идейной и политической опорой ИКП, передовым оплотом в антикапиталистической и антиимпериалистической борьбе. В 1981 г. А. Тато положительно оценил выдающийся урок, вытекавший из возникшего в Польше движения за обновление социализма, которое казалось образцом для подражания. После государственного переворота, осуществлённого Ярузельским (и названного «неприемлемым»), Тато изменил своё восторженное мнение о польской модели: в самом деле, критика реального социализма не должна была впадать в идеологические и догматические мифы, противоположные по знаку мифу об СССР как о непоколебимой и непревзойдённой парадигме

49 *Caro Berlinguer. Note e appunti riservati di Antonio Tatò a Enrico Berlinguer 1969–1984*. Torino: Einaudi, 2003. P. 43–47.

50 *Ibid.* P. 100–104.

социализма. Октябрьская революция сохраняла свой освободительный смысл, а СССР был геополитической реальностью, необходимой для исполнения антикапиталистической роли, десятилетиями принимаемой на себя на международной арене⁵¹. Описывая историю ИКП 1970–1980-х гг., Роберто Гуальтьери утверждает, что разрыв 1981 г. после введения военного положения в Польше не был доведён до крайности, поскольку ИКП поддерживала существование симулякра двойной лояльности. Одновременно с истощением движущей силы Октября Берлингуэр ещё раз подчёркивал, что ИКП, занимая особую позицию, была «одной из немногих точек соприкосновения с социалистическими странами <...> рабочим, коммунистическим и социалистическим движением, социал-демократами и странами третьего мира»⁵². Даже учитывая, что СССР больше не являлся моделью общества, которое могло быть предложено широким массам на Западе, ИКП по-прежнему признавала за ним роль ориентира, отдавая должное его славному прошлому. Таким образом, существовала возможность восстановить «разрыв», учитывая общую обеспокоенность, вызванную гонкой вооружений. За долгий послевоенный период существования, ИКП в качестве национальной политической силы, по мнению Понса, национальная политическая сила достигла своих пределов как по причине изначальной связи с СССР, которая не согласовывалась с общенациональной итальянской политикой, так и потому, что эта связь, исчерпав себя, не была заменена какой-либо заслуживающей доверия альтернативой⁵³. Разрыв с Москвой представлялся как никогда проблематичным ещё и потому, что внутри ИКП сформировалась оппозиция, поддержанная (в том числе и в экономическом плане) советской стороной⁵⁴. По мнению Гуальтьери, дискуссия о природе и границах советской действительности была прервана с приходом к власти Горбачёва, «с возрождением надежд на “реформируемость” СССР и возвращением актуальности модели единства в многообразии». Вспоминая встречи и переговоры Горбачёва с лидерами ИКП (Натта и Оккетто), Рубби утверждает: проблема состояла в том, чтобы сделать более привлекательным образ СССР и социалистических стран ещё и потому, что перестройка дала новый импульс движущей силе Октября⁵⁵.

51 Caro Berlinguer. Note e appunti riservati di Antonio TATO a Enrico Berlinguer 1969–1984. P. 226–241.

52 Gualtieri R. Il Pci, la Dc e il “vincolo esterno” // Il Pci nell’Italia repubblicana 1943–1991. P. 47–99.

53 Pons S. L’URSS e il Pci nel sistema internazionale della guerra fredda // Il Pci nell’Italia repubblicana 1943–1991. P. 40–46.

54 См.: Bukovskij V. Gli archivi segreti di Mosca. Milano: Spirali, 1999. P. 216–219; Andrew C., Mitrokhin V. L’archivio Mitrokhin. Milano: Rizzoli, 1999. P. 367–383.

55 См. Rubbi A. Incontri con Gorbaciov. I colloqui di Natta e Occhetto con il leader sovietico: giugno 1984 – novembre 1989.

НОСТАЛЬГИЯ И СОЖАЛЕНИЯ ПОСЛЕ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ КАТАСТРОФЫ: МИФ ОБ СССР КАК О ВЕЛИКОЙ СВЕРХДЕРЖАВЕ

После 1991 г. миф об СССР был частично заменён мифом о распаде СССР. При этом многочисленные мифологические интерпретации этого процесса неизменно включают в себя как сожаление о так и не наступившем коммунизме, так и ностальгию по советской сверхдержаве. «Оплакивание коммунизма» (как в Италии, так и в Центральной и Восточной Европе) колеблется между реставрирующей ностальгией, которая, ставя акцент на *nostos*⁵⁶, стремится восстановить мифическое место утраченной обители, и рефлексирующей ностальгией, сфокусированной на желании и на потере⁵⁷. По мнению некоторых⁵⁸, разрушение общего дома коммунизма было вызвано неререформируемостью советской системы; по мнению других⁵⁹, перестройка, напротив, стала революцией, неудавшейся или преданной «популистским бонапартизмом» Ельцина, который сделал неизбежным не только распад СССР, но также и крах постсоветской России. На конференции, посвящённой провалу перестройки (10–11 апреля 1992 г.), Рита Ди Лео назвала Горбачёва *rex destruens*, поскольку гласность и радикальная реформа так и остались лозунгами, не воплотившимися в реформистский проект-программу, который находился бы в русле коммунистической традиции. А ведь только так можно было предотвратить распад СССР и конец биполярного мира. По мнению Ди Лео, Горбачёв разрушил государство, которое за 70 лет истории достигло стратегического военного паритета с Западом и могло бы достичь также и политического и экономического равенства. Вместе с СССР усилиями Горбачёва с исторической сцены исчезла и перспектива такого западного общества, которое отличалось бы от капиталистического. После распада СССР единственной альтернативой капитализму представляется религиозный фундаментализм (христианский или исламский)⁶⁰. С другой стороны, переход постсоветской России к капитализму выразился в форме, сходной со вторым НЭПом, управляемым олигархами: рыночный большевизм Ельцина, по мнению Ди Лео, был выражением своего рода утопического максимализма, который с целью немедленного установления капитализма

56 От греч. *nostos* — возвращение домой. — Прим. ред.

57 Boym S. Ipocondria del cuore: nostalgia, storia e memoria // Nostalgia. Saggi sul rimpianto del comunismo / eds. Modrzejewski F., Sznajderman M. Milano: Bruno Mondadori, 2003. P. 49.

58 Guerra A. Il crollo dell’impero sovietico. Roma: Editori Riuniti, 1996.

59 См.: Chiesa G., Medvedev R.A. La rivoluzione di Gorbaciov. Cronaca della perestrojka. Milano: Garzanti, 1990; Chiesa G. Da Mosca. Cronaca di un colpo di Stato annunciato. Roma; Bari: Laterza, 1995; *Idem*. Russia addio. Roma: Editori Riuniti, 1997.

60 Di Leo R. Rex destruens // Riformismo o comunismo. Il caso dell’URSS / ed. Di Leo R. Napoli: Liguori, 1993. P. 9–31.

действовал неразумно. Однако постсоветская Россия не могла похвастаться статусом великой державы, поскольку ориентировалась на национальные ценности, а не на ценности пролетарского интернационализма, как СССР⁶¹. Боффа, со своей стороны, утверждал, что катастрофический исход перестройки был прежде всего следствием долгого советского кризиса, который начался в 1964 г. с отстранением Хрущёва, что стало началом конца СССР. Против Горбачёва же был подготовлен двойной заговор: государственный переворот 19 августа 1991 г., инспирированный консерваторами позднесталинского толка, и националистический заговор 8 декабря 1991 г., организованный Ельциным, который заявил о ликвидации СССР. Социалистическая демократия в процессе становления, по мнению Боффа, провалилась из-за национализма Ельцина, вдохновлённого руссоцентричным антикоммунизмом Солженицына. Перестройка могла сохранить единство федеративного государства, тогда как из распада Советского Союза («самой большой распродажи в истории», вызванной националистическим подъёмом) вышла искалеченная Россия, которая, перечеркнув достижения горбачёвской эпохи, встала на путь возврата к архаичной автократии⁶². Рубби считает, что разрушение СССР было результатом восстания русского национализма против горбачёвского проекта по созданию обновлённого и демократического Советского Союза. Националистические тенденции поддерживались демагогическими зазываниями Ельцина, предсказаниями Солженицына (который на родине никогда не был хорошим пророком) и «шумихой, поднятой Жириновским: эти злосчастные демиурги превратили Россию в больную, разваливающуюся страну, без ценностей и без идентичности⁶³». На итало-русской конференции (Урбино, 25–27 сентября 1997 г.) Доменико Лосурдо утверждал, что крах СССР стал следствием всемирного крестового похода за права человека, идущего под знаменем неолиберализма. В 1991 г. Буш-старший высказался за демократический Советский Союз с рыночной экономикой, интегрированной в западную. «Миссионерское и универсалистское рвение» Соединённых Штатов способно, по мнению Лосурдо, спровоцировать коллапс по советскому образцу и в Китае⁶⁴. С точки зрения Бенвенути, истощение преобразовательной функции СССР началось в 1968 г., а перестройка стала последним даром советского универсализма. Постсоветская Россия

61 *Di Leo R.* La seconda Nep // *Riformismo o comunismo. Il caso dell'URSS*, P. 249–263.

62 *Boffa G.* Dall'URSS alla Russia. Storia di una crisi non finita. Roma; Bari: Laterza, 1995. P. 337–376.

63 *Rubbi A.* La Russia di Eltsin. Roma: Editori Riuniti, 2002. P. 273.

64 См.: *Losurdo D.* Universalismo e conflitto geopolitico: dalla rivoluzione d'ottobre al trionfo del "secolo americano" // *URSS: bilancio di un'esperienza. Atti del Convegno italo-russo: Urbino 25–26–27 settembre 1997* / eds. Losurdo D., Giacomini R. Urbino: Quattro Venti, 1999. P. 7–43.

отступила на национал-патриотические позиции, а происходящий политический процесс может быть определён как переход к новой российской национальной доктрине⁶⁵. По мнению Канфоры, причины краха советской власти вытекают из проблемы сталинизма. Сталинизм стал самым долгим яacobинским экспериментом в истории, спровоцировавшим фатальную реакцию. В этой связи возникает вопрос: как «управлять будущим революционным разрывом»⁶⁶. Согласно Хобсбауму (и некоторым его итальянским последователям), существование СССР и его противостояние с Западом способствовали утверждению капитализма «с человеческим лицом». Несмотря на то что исчезло противостояние с Советским Союзом, а Соединённые Штаты остались единственной сверхдержавой, после распада СССР мы непременно будем присутствовать и при крахе фундаментальных основ свободного рынка. В различных мифологиях развал СССР приобретает сотериологический аспект: для некоторых конец Советского Союза означает спасение коммунистического проекта, который наконец может быть полностью реализован; для других крушение СССР представляется благотворным с точки зрения влияния на мировой порядок. По мнению Тони Негри и Майкла Хардта⁶⁷, агония советской системы и последующая гибель режима были вызваны сопротивлением бюрократической диктатуре, зажавшей в дисциплинарных тисках военной экономики «новую и живую интеллектуальную рабочую силу». Поэтому распад СССР способствовал материализации империи и преодолению империализма (включая советский) как необходимой предпосылки, которая позволит множествам осуществить свою всемирную революцию в рамках нового имперского порядка. Тем не менее после 11 сентября и войны в Ираке Буш, по мнению Негри, устроил своего рода 18 брюмера в глобальном масштабе, навязав миру возвращение империализма. «Демократия множества», считает Негри, основывается на новой науке, вобравшей в себя как идеи «Записок федералиста» Мэдисона, так и положения «Государства и революции» Ленина. Однако уничтожение суверенитета государства, предложенное Лениным, не должно вытекать из восстания передовой элиты, поскольку, как показывает советский опыт, это может привести к созданию суверенного и иерархического государства. Вместо этого задача состоит в том, чтобы упразднить суверенитет на мировом

65 *Benvenuti F.* La crisi finale dell'universalismo sovietico e i suoi dilemmi (da Brežnev a Gorbačëv) // *URSS: bilancio di un'esperienza. Atti del Convegno italo-russo: Urbino 25–26–27 settembre 1997*. P. 155–168.

66 *Canfora L.* La questione dello stalinismo // *URSS: bilancio di un'esperienza. Atti del Convegno italo-russo: Urbino 25–26–27 settembre 1997*. P. 169–174. В конференции в Урбино принял участие также и Рой Медведев, который утверждал, что «презрение к демократии» стало первопричиной «кризиса ленинизма», разрешившегося в «засилье номенклатуры».

67 *Hardt M., Negri A.* Impero. Il nuovo ordine della globalizzazione. Milano: Rizzoli, 2002. P. 259–262.

уровне⁶⁸. Напротив, в интерпретации Азор-Розы⁶⁹ крах советской империи имеет не сотериологическое, но катастрофическое значение, поскольку развязал руки второй выжившей империи. В постбиполярном мире США используют войну для переделывания мира по их собственному образцу. СССР, по мнению Азор-Розы, был неким катехоном, который в ходе холодной войны предотвратил разжигание конфликтов планетарного масштаба. Действительно, в течение 50 лет велись только периферийные войны. Поэтому распад советской империи, произошедший по причинам главным образом внутренним, предстал своего рода геополитической катастрофой. С другой стороны, в Италии (как среди крайних правых, так и крайних левых) имеют некоторое распространение те неоевразийские геополитические тезисы, в которых отстаиваются идеи восстановления советского имперского пространства или возрождения СССР, воздвигающие новый непреодолимый лимес между Россией и Западом. Эти тезисы сформулированы, в частности, российским коммунистическим лидером Зюгановым как воскрешение «географии победы»⁷⁰ и Дугиным, лидером Евразийской партии, с его эзотерико-геополитическими размышлениями в эволюционном духе⁷¹. Складывается впечатление, что эти онейрические картографии приходят на смену имперским, определённым советской идеократией и основанным на геополитическом мифе (озвученном Маккиндером в начале XX в.) о Евразии как о Хартленде (географической оси мировой истории). Миф о распаде СССР выдвигает вопрос, зеркально противоположный тому, который в конце 1960-х гг. задавал Амальрик, — вопрос о сохранении СССР и после «конца века»: сможет ли в XXI в. Советский Союз повторить историю⁷²? Воскреснет ли СССР в виде евразийской сверхдержавы? В случае СССР повторения истории кажутся инсценировкой своеобразной идеологической и геополитической пародии, которая исчерпывает себя в мифических представлениях и онейрических фантазиях.

68 *Hardt M., Negri A. Multitudine. Guerra e democrazia nel nuovo ordine imperiale. Milano: Rizzoli, 2004. P. 406–407.*

69 *См.: Asor Rosa A. La guerra. Sulle forme attuali della convivenza umana. Torino: Einaudi, 2002.*

70 *Zjuganov G. Stato e potenza / ed. Montanari M. Parma: Edizioni all'Insegna del Veltro, 1999. Об идеологическом влиянии Зюганова в Италии см.: Alberti A. I russi e le rivoluzioni // URSS: bilancio di un'esperienza. Atti del Convegno italo-russo: Urbino 25–26–27 settembre 1997. P. 55–65.*

71 *Dugin A. Eurasia. La Rivoluzione conservatrice in Russia. Roma: Nuove Idee, 2004.*

72 *См.: Bettanin F. La disgregazione dell'Unione Sovietica // Riformismo o comunismo. Il caso dell'URSS. P. 207–226.*

Roberto Valle

L'imprevedibile passato del radioso avvenire. Le metamorfosi del mito dell'URSS in Italia

Alla fine degli anni Venti del XX secolo, la mummia di Lenin esposta nel “tetro mausoleo di legno” che si elevava nella Piazza Rossa, ai piedi delle mura del Cremlino, appariva a Curzio Malaparte come l'icona di un'ideologia che aspirava all'immortalità terrena. Il buonuomo Lenin, “onesto funzionario del disordine”, non era più il piccolo-borghese fuorviato dalla rivoluzione, ma il profeta di una nuova religione e il mausoleo si trasformava in un luogo sacro visitato quotidianamente da folle popolari, simili alle processioni che nella Santa Russia si recavano ad adorare le reliquie dei santi. Nel 1963, lo storico Claudio Pavone si era recato in URSS attratto anche dalla scoperta del mondo nuovo sorto dalla rivoluzione d'Ottobre e dal processo di destalinizzazione avviato da Chruščëv. Entrando nel mausoleo sulla Piazza Rossa, Pavone, non riuscendo immediatamente a distinguere se la mummia fosse una statua o un uomo vero, poneva nel suo diario una suspense interrogativa che attesta l'inestricabile intreccio tra la verità storica e il mito: «Cosa aggiunge alla verità che è per noi Lenin vederne così il corpo?»¹. Il culto religioso di Lenin non solo pretendeva si assurgere a dottrina divina, ma era considerato la prima ipostasi della mitopoiesi sovietica, che è polimorfa e che si è strutturata come un sistema di mitologemi² comprendente anche il mito del crollo dell'URSS. Tra la seconda metà degli anni Cinquanta del XX secolo e l'inizio del XXI, il mito dell'URSS ha subito, in Italia, alcune significative metamorfosi che derivano in parte dalla peculiarità polimorfa della mitopoiesi sovietica, in parte dalle complesse vicende della politica italiana.

1 *Cfr. C. Malaparte, Il buonuomo Lenin, Adelphi, Milano 2018; C. Pavone, Aria di Russia. Diario di un viaggio in Urss, Laterza, Roma-Bari 2016; V. Strada, Lenin, Stalin, Putin, Rubbettino, Soveria Mannelli 2011.*

2 *Cfr. V. Strada, Nascita e tramonto di un Mito, in L'Urss, il Mito e le masse, «Socialismo/Storia. Annali della Fondazione Giacomo Brodolini e della Fondazione di Studi Storici Filippo Turati», Franco Angeli, Milano 1991, pp. 15–22.*

La genealogia mitico-utopica del modello sovietico ha, infatti, germinato un insieme di mitologemi. 1. Il mito fondatore della rivoluzione d'Ottobre, quale prima ipostasi del PCI e della sua legittimazione storica: questo mitologema ha avuto una centralità nel dibattito politico italiano fino alla celebrazione del 70° anniversario della Rivoluzione d'Ottobre nel 1987. Tale mitologema, inoltre, non è monolitico; esistono, infatti, almeno tre Ottobri: quello di Lenin, quello di Stalin e quello di Trockij. Questa atomizzazione del mito dell'Ottobre ha subito delle molecolari metamorfosi nell'ambito della costellazione gruppuscolare delle nuove sinistre (di volta in volta leniniste, staliniste, trockiste) tra gli anni Sessanta e Settanta. La rivoluzione postulata dalla tradizione marxista-leninista, con i suoi riti e simboli, era comunque un mito in grado di riorientare in termini di classe la ribellione di giovani del ceto medio³. 2. Il mito superomistico del rivoluzionario di professione: questo mito si è incarnato, in primo luogo, nel culto del PCI come partito diverso e del suo gruppo dirigente. Negli anni di piombo, l'icona del rivoluzionario di professione è stata riconsacrata, insieme al culto dell'organizzazione clandestina e al mito dell'abbattimento dello Stato borghese e del capitalismo. 3. Il mito della classe operaia e della dittatura del proletariato: tale mito ha avuto un forte potere di attrazione fino agli anni Settanta del XX secolo e ha raggiunto l'acme nell'autunno caldo del 1969 con lo storico incontro, mitico-mistico, tra l'intellettuale-massa e l'operaio-massa. Tra il 1968 e il 1973, la costellazione gruppuscolare ha ingaggiato con il PCI una lotta per l'egemonia sulla classe operaia (rappresentata icasticamente da Elio Petri nel film *La classe operaia va in paradiso*). 4. Il mito dell'URSS come inedito modello di società e Patria del socialismo che nella sua sconfinatezza avrebbe, con il trionfo del comunismo, compreso il mondo intero. Fino agli anni Settanta, per gli italo-sovietici la vera patria era l'URSS. 5. Il mito dell'URSS come grande potenza globale capace di contrastare, a livello planetario, l'egemonia degli Stati Uniti: tale mito ha ancora un seguito tra i nostalgici del mondo bipolare e, nel secondo dopoguerra, ha avuto degli adoratori anche negli ambienti del neofascismo di sinistra⁴.

LA MITICA EPIFANIA DELL'URSS: DALL'OTTOBRE ALLA PERESTROJKA

Al di là del suo polimorfismo, il mito dell'URSS ha avuto una valenza soteriologica a partire dalla mitopoiesi bolscevica che, nel suo periodo fulvo, si è posta

3 Cfr. M. Flores e A. De Bernardi, *Il Sessantotto*, Il Mulino, Bologna 2003.

4 Cfr. P. Buchignani, *Fascisti rossi: da Salò al Pci, la storia sconosciuta di una migrazione politica 1943-1953*, Mondadori, Milano 1998. "Il Pensiero Nazionale" di Stanis Ruinas, per esempio, esprimeva un sovversivismo populista e totalitario contro le democrazie plutocratiche che avevano colonizzato l'Italia dopo il 1945 e considerava l'URSS lo Stato guida per un'insurrezione mondiale degli oppressi contro il capitalismo occidentale.

all'origine di un messianesimo storico-ideologico che intendeva assurgere a valore universale, quale prima ipostasi di una civiltà in costruzione che avrebbe condotto l'umanità sull'altra riva del comunismo, nel recinto edenico del regno della libertà. L'URSS, infatti, agiva a livello mondiale per provocare il definitivo crollo del capitalismo e per realizzare quella liberazione del Prometeo proletario che ponesse fine allo sfruttamento dell'uomo sull'uomo. Al di là della scientificità del marxismo-leninismo (epitomata dal mito della scienza della rivoluzione), il mito sovietico ha avuto una valenza imagologica, quale icona del radioso avvenire, e soreliana, quale catalizzatore della mobilitazione totale delle masse⁵. La forza d'attrazione del mito sovietico, inoltre, non si è dispiegata nella sua realizzazione, ma nella sua incompiutezza, nella sua ineffabilità di realtà rivoluzionaria che ha cercato di inverarsi nella storia transitando incessantemente verso qualcosa di inaudito⁶. L'edificazione permanente dell'URSS ha favorito una riconciliazione tra il socialismo scientifico e il mito, che, rispetto alla realtà sovietica, ha avuto una vita autonoma. Quale realizzazione storica di un'utopia che ha conquistato il potere, l'URSS si è cristallizzata nel mito⁷. La mitica epifania dell'URSS si è imposta allo stesso popolo sovietico come un altrove, come eterotopia e/o utopia, come un monomito che non ha ammesso rivali e che, al di là dei riti di regime e della catechesi ideologica del socialismo reale, ha continuato ad esercitare un fascino ben oltre il crollo dell'impero sovietico. Il perpetuo rinnovamento dell'URSS ha raggiunto l'acme con la *perestrojka*: l'URSS, secondo lo scrittore assurdisto russo Viktor Pelevin, è stata migliorata a tal punto che ha cessato di esistere, quale unico Stato al mondo capace di raggiungere il nirvana⁸. Nella sua accezione negativa, questo monomito ha trovato una sua peculiare espressione nella scolastica sovietologica che si è esercitata a discettare sull'essenza del totalitarismo sovietico: paradossalmente, l'essenzialismo sovietologico (quale teologia politologica fondata sul paradigma totalitario) non solo non ha previsto il crollo dell'URSS, ma ha rafforzato il mito della ineffabile stabilità del sistema sovietico⁹. Nella sua versione positiva, invece, il mito dell'URSS si è caratterizzato come cratofania, come ascensione del prolerariato all'empireo del potere, quale necessaria premessa per l'edificazione della società senza classi. Prima dell'Ottobre, la

5 Cfr. A. Riosa, *I Miti di massa dello stalinismo*, in *L'Urss, il Mito e le masse*, op. cit.

6 R. Medvedev, *Ascesa e caduta di Nikita Cbruščëv*, Editori Riuniti, Roma 1982, pp. 199-200. Al XXI Congresso del PCUS del 1959, Cbruščëv resuscitò il mito del comunismo. Negli anni Ottanta il comunismo sarebbe riapparso come un orizzonte ritrovato e mai raggiunto: «Che cos'è l'orizzonte? Una linea che si allontana man mano che si avvicina».

7 R. Esposito, *Introduzione all'edizione italiana*, in L. Kolakowski, *Presenza del mito*, Il Mulino, Bologna 1992, p. 15.

8 V. Pelevin, *Babylon*, Mondadori, Milano 2000, p. 13.

9 Cfr. *The Totalitarian Paradigm after the End of Communism. Towards a Theoretical Reassessment*, ed. A. Siegel, GA, Amsterdam-Atlanta 1998.

Russia era considerata un mondo a parte e/o una imitazione degenerare della civiltà europea. Dopo la rivoluzione bolscevica si è imposto uno sdoppiamento del mito sovietico: nella sua versione positiva, esso ha proiettato l'immagine dell'URSS come un modello da imitare; nella sua proiezione negativa, il mito della Russia sovietica, invece, si è configurato come un'anomalia mostruosa. Come sostiene Vittorio Strada, il mito della rivoluzione d'Ottobre non si è estinto: l'Ottobre rosso resta un mito fondatore cosmogonico di un ordine nuovo. Secondo Lanaro, il mito dell'URSS, quale mito dell'edificazione della patria altrove, non coincide con quello dell'Ottobre, che è un mito millenaristico, soreliano, di palingenesi del mondo¹⁰. La rivoluzione d'Ottobre non solo ha generato una sorta di socialismo donante che si è imposto sulla scena mondiale come modello da esportare in altri Paesi (anche con l'Armata Rossa), ma con la sua ineluttabilità per alcuni ha ancora un grande passato futuro dinanzi a sé¹¹. La riattualizzazione dell'Ottobre è paradossalmente speculare al mito anticomunista d'*antan* riesumato dai libri neri del comunismo. Tali riattualizzazioni sono la deriva anacronistico-diacronica di una mentalità che si è forgiata, tra gli anni Cinquanta e Settanta, nel sottobosco dell'ideologia intorno ai miti del comunismo e dell'anticomunismo e che è ancora fonte di una subcultura onirica addormentata sul luogo comune: in tal senso, i miti del comunismo e dell'anticomunismo sono diventati un carattere permanente dell'identità italiana. L'Unione Sovietica è ancora uno spettro che si aggira per l'Italia e la presenza del mito è attestata dalla permanenza di quell'onirismo ideologico che è alla base dei miti politici del XX secolo. Il mito dell'URSS va, perciò, analizzato secondo quei parametri storiografici che consentono di collocarlo, con le sue metamorfosi, nelle sue diverse epoche e con quegli strumenti della *Kulturkritik* che permettono un'esegesi disincantata dei luoghi comuni e dei sogni e dei bisogni dell'onirismo ideologico.

AURORE E CREPUSCOLI DEL MITO DI STALIN. LA DESTALINIZZAZIONE E IL MITO DELLA RIFORMA PERMANENTE DA CHRUSČEV A GORBAČEV

Nel 1989 è stato organizzato a Cortona un convegno sul mito dell'URSS, in un periodo nel quale la *perestrojka* godeva di una smisurata popolarità in Occidente e sembrava essere la fonte di un nuovo mito: il mito del comunismo democratico.

10 Cfr. *Il Pci nell'Italia repubblicana 1943-1991*, a cura di R. Gualtieri, «Annali 1999 Fondazione Istituto Gramsci», Carocci, Roma 2001, p. 395.

11 Sul numero 3/2001 de «L'Ernesto» (rivista dell'area di Rifondazione comunista) è stato pubblicato un articolo di Gilberto Volta (esponente bolognese del partito) con un titolo emblematico: *Rivoluzione d'Ottobre: un varco verso il futuro*. Volta sostiene che non solo l'Ottobre era ineluttabile, ma ha aperto «una breccia, uno squarcio sul futuro, verso la conquista di un quinto stadio della civiltà umana, verso una società di liberi ed uguali: la società comunista».

L'avvento di Gorbačev sembrava attestare che l'URSS, purificandosi dallo stalinismo e dalla stagnazione tardototalitaria, ritrovava la propria aurorale verginità rivoluzionaria: la *perestrojka* era, perciò, definita come una sorta di socialismo iniziale o iniziato che avrebbe trasformato la fiaba in realtà¹². Nell'introduzione alla pubblicazione degli atti del convegno di Cortona, Marcello Flores, dopo aver caratterizzato la specificità polimorfa della mitologia sovietica, afferma che il mito dell'URSS ha conosciuto una «rifondazione continua e reiterata», come attesta la stessa crisi del mito vissuta come un trauma e una rivelazione improvvisa¹³. Rilevando che la ricerca sul mito sovietico nell'Italia del secondo dopoguerra è ancora tutta da compiere, Flores sostiene che il momento fondante del mito postbellico è Stalin, quale simbolo della vittoria contro il nazismo (anche De Gasperi nel 1944 rendeva omaggio al genio militare di Stalin): emblema di questa vittoria era Stalingrado. Come afferma Roland Barthes, l'invocazione rituale a Stalin ha assunto, allo stato puro, i caratteri della parola mitica. Stalin è stato sacralizzato e, quale icona dell'irrazionale e dell'inesprimibile, è diventato oggetto di una sorta di depoliticizzazione mistificante. Assurta alla trascendenza del mito, l'icona-Stalin è la negazione della rivoluzione, quale atto catartico che esclude il mito e che è destinato a rivelare la carica politica del mondo¹⁴. Il mito di Stalin, per Gozzini, si nutre di tre immagini — sacerdote, guerriero, produttore — che sembrano rievocare le tre funzioni che Georges Dumézil ha posto a fondamento delle epopee dei popoli indoeuropei¹⁵. Per un quindicennio, secondo Flores, il mito sovietico in Italia ha mantenuto inalterata la propria configurazione e si è fondato sulla triade: Stalingrado, socialismo, pace (l'URSS protettrice di un ordine pacifico nel mondo bipolare). Il PCI ha propagandato e collettivizzato questo mito, che ha assunto una dimensione di massa, sostenendo la radicale alterità dell'URSS, in quanto non omologabile alle compagini statali esistenti¹⁶. L'URSS, quale centro di irradiazione del messianesimo internazionalista, diventava la meta dei pellegrinaggi dei comunisti italiani, che si sentivano degli esuli in patria, dei cittadini sovietici in Italia. Entusiastici

12 L. Karpinskij, *Il mito dell'Urss nella cultura occidentale*, in *Il mito dell'Urss. La cultura occidentale e l'Unione Sovietica*, a cura di M. Flores e F. Gori, Franco Angeli, Milano 1990, pp. 109-114.

13 M. Flores, *Introduzione*, in *Il mito dell'Urss. La cultura occidentale e l'Unione Sovietica*, op. cit., pp. 9-13.

14 R. Barthes, *Il mito, oggi*, in Id. *Miti d'oggi*, Einaudi, Torino 1994, pp. 226-227.

15 G. Gozzini, *Il Pci nel sistema politico della Repubblica*, in *Il Pci nell'Italia repubblicana 1943-1991*, op. cit., pp. 116-117.

16 M. Flores, *Il mito dell'Urss nel secondo dopoguerra*, in *Nemici per la pelle. Sogno americano e mito sovietico nell'Italia contemporanea*, a cura di P.P. D'Atorre, Franco Angeli, Milano 1991, pp. 491-506. Armando Cossutta (in un articolo pubblicato nel novembre del 1950 sul «Quaderno dell'Attivista» e intitolato *Migliorare e intensificare la nostra propaganda sull'Unione Sovietica*) sosteneva che l'URSS era la «concretizzazione meravigliosa delle aspirazioni di tutti i lavoratori», un «modello vero e reale»: il PCI, perciò, doveva «dare agli italiani» quello che «i sovietici hanno già».

resoconti di viaggio erano pubblicati dalla stampa e dall'editoria comunista che ambiva ad avere in Italia il monopolio dell'immagine dell'URSS¹⁷. A volte si organizzavano pellegrinaggi collettivi e si raccoglievano testimonianze sulle mirabolanti conquiste del socialismo sovietico. *Noi siamo stati nell'URSS*¹⁸, per esempio, è la summa di tutti gli stereotipi sul radioso presente del crepuscolo staliniano. D'altro canto, il mito sovietico si è caratterizzato come contromito rispetto alla massiccia diffusione in Italia dell'*american way of life* e dell'*american dream*¹⁹. Come ha rilevato Strada²⁰, per molti intellettuali il mito sovietico e il bizantinismo marxista-leninista svolsero una funzione compensatoria di carattere etico-estetica rispetto al disagio provocato dal mondo moderno. Gli intellettuali furono, nel contempo, artefici e adoratori del mito, perché, fino alla metà degli anni Cinquanta, l'URSS proiettava all'esterno l'immagine di una radiosa e vigorosa ascesa (in contrapposizione al crepuscolo del capitalismo) e tale icona si insediò stabilmente anche nell'immaginario delle masse. Dal canto suo, Severino Galante²¹ sottolinea la congenita allotropia del mito dell'URSS: nell'integrare passione politica e scolastica ideologica, il PCI di Togliatti avrebbe operato una sorta di «nazionalizzazione delle masse attraverso il mito sovietico». Secondo Flores, la visione agiografica e acritica dell'URSS era funzionale alla strategia togliattiana del partito nuovo. Flores, inoltre, distingue tra la «gioiosa ingenuità degli scrittori» e il fideismo tetragono e cupo dei dirigenti: tuttavia il gaio filosovietismo degli intellettuali era un'importante cinghia di trasmissione che permetteva alle masse di introiettare il mito dell'URSS. Dopo il 1956, l'immagine di Stalin transitava dall'agiografia a una mitologia mostrificatrice che è stata ipostatizzata da Chruščëv con la leggenda nera del culto della personalità. La *reductio ad Hitlerum* dell'immagine di Stalin, quale mostrificazione permanente, è stata stigmatizzata da Domenico Losurdo e Luciano Canfora, due esponenti dell'école barisienne che si pone nel solco di Marx e di Gramsci. Il ritratto caricaturale di Stalin tracciato da Trockij e da Chruščëv, per Losurdo, non solo è una falsificazione propagandistica che ha consentito all'Occidente di ingaggiare un conflitto ideologico contro il totalitarismo sovietico, ma è orientato a occultare la verità storica dell'era staliniana. Per Losurdo, Stalin ha mostrato un talento politico eccezionale sia nell'edificazione dell'URSS, sia

17 La storia dei viaggi degli intellettuali italiani in URSS negli anni Cinquanta è stata ricostruita succintamente da Loreto Di Nucci. Cfr. L. Di Nucci, *I pellegrinaggi politici degli intellettuali italiani*, in P. Hollander, *Pellegrini politici. Intellettuali occidentali in Unione Sovietica, Cina e Cuba*, Il Mulino, Bologna 1988, pp. 621-677.

18 Cfr. *Noi siamo stati nell'Urss*, Macchia, Firenze 1950. Il libro raccoglie le testimonianze di Banfi, Bianchi-Bandinelli, Guttuso, Robotti.

19 Cfr. *Nemici per la pelle. Sogno americano e mito sovietico nell'Italia contemporanea*, op. cit.

20 V. Strada, *Nascita e tramonto di un mito*, in *L'Urss, il mito e le masse*, op. cit.

21 S. Galante, *I comunisti italiani e il mito sovietico nel secondo dopoguerra. Tra "emotional russophilia" e organizzazione*, in *L'URSS, il mito e le masse*, op. cit., p. 407.

nella grande Guerra patriottica, che non solo ha salvato la patria del socialismo dalla decimazione e della schiavizzazione alle quali l'aveva destinata il Terzo Reich, ma ha anche consentito all'URSS di assurgere al rango di superpotenza mondiale. Dal canto suo, Canfora paragona Stalin a Pericle, che aveva insegnato al popolo ateniese una grande verità geopolitica: non si può fuggire dall'Impero, perché è altamente rischioso disintegrarlo. Dopo settant'anni, l'Impero di Pericle cadde per colpa di quegli strateghi ateniesi, in particolare Adimanto, che nella battaglia decisiva di Egospotami tradirono la causa imperiale. Pur sottolineando la spericolatezza delle analogie storiche, Canfora attribuisce a Gorbačëv il ruolo di Adimanto²².

Per Flores, invece, il mito dell'URSS trova, con alterne vicende, il suo momento conclusivo nel 1956 con il XX Congresso del PCUS e la destalinizzazione. In realtà, anche dopo il 1956 l'URSS non era un idolo infranto; il mito sovietico, infatti, perdeva il proprio carattere monolitico e si assisteva ad una sorta di sdoppiamento dell'immagine dell'URSS, che era all'origine di una biforcazione ideologica. Da una parte, l'URSS continuava ad essere vista nella sua fissità di modello platonico forgiato dai demiurghi Lenin e Stalin e assurto nell'empireo dell'immortalità (rappresentata dal *rigor mortis* della salma imbalsamata di Lenin tumulata nel suo mausoleo). Tale proiezione del mito avrà nuova vita tra gli apologeti del socialismo reale e sviluppato brežneviano: l'apologia del socialismo reale non era solo ad uso dell'*emotional sovietophilia* e dei *basic instincts* delle residuali masse adoranti, ma era propagandata anche da quella corrente del PCI che è stata all'origine dello scisma, nel 1991, della rifondazione comunista. D'altro canto, con la destalinizzazione e l'era chruscioviana, si impose un nuovo mito, quello della riforma permanente del sistema sovietico. Come ricorda nella sua autobiografia, Vittorio Strada, dopo il XX Congresso del PCUS, aderì al PCI perché il chrusciovismo si coniugava con il leninismo mitico, idealizzato: tale strano connubio era visto in funzione antistaliniana e scaturiva dall'illusione di un processo democratico-riformatore interno al sistema²³. L'illusione della democratizzazione del sistema sovietico si è imposta di nuovo all'epoca della *perestrojka* e, in Italia, ha avuto un'ulteriore metamorfosi nell'immagine mitica di Gorbačëv riformatore. I più vivaci entusiasmi politici e intellettuali suscitati dalla *perestrojka* non solo ispirano eventi anacronistici²⁴, ma trovano la loro origine nelle mitografie sul decennio chruscioviano. In *Storia*

22 Cfr. D. Losurdo, *Stalin. Storia e critica di una leggenda nera. Con un saggio di Luciano Canfora*, Carocci, Roma 2008.

23 V. Strada, *Autoritratto autocritico. Archeologia della rivoluzione d'Ottobre*, Liberal Edizioni, Roma 2004, pp. 23-28.

24 Nel 1995 le vedove della *perestrojka* hanno celebrato a Genova la "rivoluzione di Gorbačëv", una sorta di surreale "azione parallela" non dissimile dalla preparazione della celebrazione del mito asburgico sul limitare della dissoluzione dell'Austria-Ungheria ne *L'uomo senza qualità* di Musil.

dell'Unione Sovietica (pubblicato nel 1978 e in edizione russa nel 1990), Boffa contrappone la svolta riformatrice impressa da Chruščëv nel 1956 (nonostante l'intervento in Ungheria, definito una misura estrema per evitare una catastrofe imminente) a quella regressiva imposta da Brežnev e che ha raggiunto l'acme con l'intervento in Cecoslovacchia e con la restalinizzazione strisciante del sistema sovietico. Sebbene nell'epoca brežneviana l'URSS subisse un forte declino della sua influenza ideologica, l'ideale non poteva essere ricondotto al «semplice significato illusorio di un mito moderno». Nel 1978, per Boffa, non ci si doveva rassegnare all'idea che l'URSS non potesse andare oltre i limiti del socialismo reale e si attendevano quelle risposte innovatrici delle quali era gravida la storia sovietica²⁵. Con l'avvento di Gorbačëv, si affermava il mito della contaminazione democratica del PCUS ad opera del PCI: il movimento comunista internazionale sembrava ricomporsi, allargando il proprio orizzonte ideologico alla socialdemocrazia, per l'inveramento di un socialismo democratico dal volto umano. Nel *Post-scriptum* alla *Storia dell'Unione Sovietica* (riedita nel 1990 da "L'Unità"), Boffa afferma che la *perestrojka* era l'ineluttabile risposta innovatrice vaticinata nella prima edizione del suo libro nel 1978²⁶. Il programma riformatore di Gorbačëv era più radicale e ambizioso di quello di Chruščëv, per questo Boffa esprimeva (nel dicembre del 1990, quando ormai la *perestrojka* si era metamorfizzata in *katastrojka*) la sua speranza che la ristrutturazione gorbacioviana potesse sperimentare la vertigine del successo²⁷.

IL LUNGO VIAGGIO ATTRAVERSO IL SESSANTOTTO ITALIANO E IL MITO SOVIETICO: CONTESTAZIONE E RIVOLUZIONE

Come sostiene Bruno Bongiovanni²⁸, nel Sessantotto si è consumata la «bruciante collisione tra la mentalità e l'ideologia»: tale collisione ha prodotto una eteroclitica mistura di vecchi e nuovi miti. Dalla fusione tra diverse subculture, in alcuni casi, è scaturita una sintesi paradossale tra il sogno americano (*beat generation*, cultura alternativa e psichedelica) e il mito leninista della costruzione del partito rivoluzionario²⁹. Il lungo Sessantotto italiano ha avuto una durata

25 Cfr. G. Boffa, *Storia dell'Unione sovietica 1945-1964*, L'Unità, Roma 1990, vol. 4, pp. 355-370.

26 A tal proposito cfr. anche A. Rubbi, *Incontri con Gorbaciov. I colloqui di Natta e Occhetto con il leader sovietico: giugno 1984-novembre 1989*, Editori Riuniti, Roma 1990. Secondo la testimonianza di Rubbi, nel varare la *perestrojka* Gorbačëv avrebbe trovato ispirazione, tra l'altro, nella lettura del libro di Boffa.

27 G. Boffa, *Storia dell'Unione sovietica 1945-1964*, op. cit., vol. 4, pp. 371-386.

28 B. Bongiovanni, *Società di massa, mondo giovanile e crisi dei valori. La contestazione del '68*, in *La storia*, a cura di N. Tranfaglia e M. Firpo, vol. VII, *L'età contemporanea*, t. 2, *La cultura*, Utet, Torino 1988, pp. 671-694.

29 Cfr. N. Balestrini e P. Moroni, *L'orda d'oro 1968-1977. La grande ondata rivoluzionaria e creativa, politica ed esistenziale*, Feltrinelli, Milano 2003, pp. 154-170.

decennale; nel corso di questo decennio il lessico politico bolscevico-sovietico (anche *sub specie* maoismo) ha conosciuto una nuova stagione di rigoglio ed è stato la levatrice sia del dispiegamento della violenza rivoluzionaria, sia del mito della lotta per la conquista del potere e per l'abbattimento del sistema borghese. Nella prima metà degli anni Sessanta, Pier Paolo Pasolini, nei *Dialoghi* con i lettori di "Vie Nuove", registrava la genesi di questi nuovi orientamenti e già nel 1965 sosteneva che era comparso all'orizzonte una sorta di stalinismo *beatnik* coltivato da certe «compagnie piccole sdegnose e sconosciute» (lo scrittore si riferiva in particolare al gruppo che faceva riferimento alla rivista "Quaderni Piacentini"), che con il loro «massimalismo moralistico, condannano tutto e tutti (forse a ragione: ma il loro torto è il riferimento ossessivo al loro avere ragione)»³⁰. Sebbene l'opera di Pasolini sia pervasa dalla nostalgia del mitico e dalla tendenza alla risacralizzazione (in tal senso il poeta si richiama esplicitamente alla lezione di Eliade), essa ha operato la simultanea demistificazione del mito anticomunista e del mito sovietico. Nel 1957, Pasolini aveva soggiornato in URSS e aveva constatato che l'uomo è imperfetto: pur facendo scomparire le classi sociali, una diversa organizzazione della società non poteva modificare i vizi acquisiti in secoli di storia; i russi, perciò, continuavano ad essere «pigri, complicati ed eccessivi come al tempo di Dostoevskij». Pasolini credeva che gli autentici valori del socialismo sarebbero sorti dalla lotta di classe e che la classe operaia avrebbe realizzato la rivoluzione. Tuttavia, negli anni Sessanta, lo scrittore era stato ricondotto alla realtà dalle rivoluzioni russa, cinese e cubana e l'ottimismo beato gli era stato precluso per sempre. Nel contempo, era in corso in Italia la rivoluzione della Scienza Applicata, stadio supremo del neocapitalismo, che sembrava seguire la via che coincideva con le aspirazioni delle masse e sembrava scomparire all'orizzonte l'ultima speranza in un rinnovamento dei valori attraverso la rivoluzione comunista³¹. Negli anni Sessanta, inoltre, Stalin appariva come un uomo di altri tempi, un'icona imbalsamata nell'arcaica e selvaggia religiosità del culto della personalità. Invece di fare i conti con la propria storia, gli italo-sovietici rincorrevano il mito piccolo-borghese della conquista dello spazio da parte dell'URSS. Nel 1965, tornato da un viaggio in Cecoslovacchia e in Ungheria (dove, tra l'altro, aveva incontrato Lukàcs "cicala catecumena" e macchina per pensare che produceva a getto continuo visioni del superamento), Pasolini avvertiva che anche in Italia non si era dissolta la presenza dei fantasmi (conformismo, stalinismo, patriottismo di partito, mancanza di critica o un'autocritica puramente nominale). La discrasia tra comunismo regime e comunismo movimento (o tra potere e cultura) sembrava versare in una *impasse* senza sbocco: lo scisma tra

30 P.P. Pasolini, *Le belle bandiere. Dialoghi 1960-1965*, a cura di G.C. Ferretti, Editori Riuniti, Roma 1977, p. 359.

31 P.P. Pasolini, *Il sogno del centauro*, a cura di J. Dufлот, Editori Riuniti, Roma 1983.

URSS e Cina aveva diviso in due l'Internazionale comunista; si era consumata la frattura tra i partiti comunisti dei Paesi sottosviluppati e quelli dei Paesi industrializzati; al di là del mito della svolta del 1956, la misteriosa deposizione di Chruščëv aveva provocato la caduta di un indirizzo politico, senza sostituirlo con un altro. La centralizzazione del potere aveva reso penosa la situazione degli intellettuali nel campo socialista e aveva rinfocolato le rivendicazioni dei piccoli nazionalismi dell'Est europeo³². Il mistero dell'altrove era caduto insieme al «confronto fantastico con i propri valori». Tra il 1968 e il 1970 (nella rubrica *Il caos* ospitata sul "Tempo"), Pasolini registrava l'eclisse del mito sovietico che trascolorava nella zona grigia del socialismo reale, quale regno dei servi sciocchi: «il mito dell'Urss non solo è finito, ma ha finito col diventare un mito negativo e minacciosamente ridicolo». Dal canto suo, il popolo sovietico appariva chiuso in un inesplicabile e tragico silenzio. Dopo l'intervento sovietico in Cecoslovacchia, il silenzio era stato rotto dall'urlo solitario di Jan Palach che, secondo Pasolini, aveva messo in crisi i cortei della contestazione giovanile, perché in un mondo rosso era consentita soltanto un'atroce libertà: la libertà di un autodafè sacrificale non dissimile da quello dei bonzi vietnamiti; Palach era un santo moderno³³. Nella polemica sulla rivoluzione antropologica in Italia (nella quale intervennero Moravia, Maurizio Ferrara, Calvino e Andreotti), Pasolini, oltre a sostenere l'idea del PCI come un paese pulito in un paese sporco, riproponeva (in un'intervista al "Mondo" dell'11 luglio 1974) il mito sovietico risacralizzandolo come idolo polemico da contrapporre all'omologazione culturale italiana. Mentre l'omologazione socio-culturale italiana e occidentale era imposta dal potere e provocava disgusto e disperazione, l'uniformità sovietica era meravigliosa, perché in URSS non esistevano differenze di classe e il popolo, con la rivoluzione, si era conquistato la libertà suprema. Con la sua ineluttabilità, la Rivoluzione della Scienza Applicata aveva prodotto la nuova e omologante ideologia edonistica del consumo, che decretava lo scacco della Rivoluzione operaia, con il conseguente tramonto del marxismo umanistico e il trionfo del capitalismo tecnologico. Mentre l'URSS era ormai un'utopia retrospettiva, una proiezione dell'anticapitalismo romantico, la contestazione giovanile del Sessantotto non era sfociata in una rivoluzione e il lungo urlo appariva come una sorta di esorcismo e di addio alle speranze marxiste³⁴. Di fronte a questa svolta epocale, la costellazione gruppuscolare sorta dalla contestazione giovanile produceva una cultura politica introvertita e una scolastica neo-ždanovista: secondo Pasolini, il PCI non aveva condotto fino in fondo la critica allo stalinismo, che si era irrigidita attraverso la serie degli oltrepassamenti a sinistra, creando per assurdo il neo-stalinismo dei

32 P.P. Pasolini, *Le belle bandiere. Dialoghi 1960-1965*, op. cit., pp. 287-293.

33 P.P. Pasolini, *Praga: una atroce libertà*, in Id. *Il caos*, a cura di G.C. Ferretti, Editori Riuniti, Roma 1995, pp. 103-105.

34 P.P. Pasolini, *Scritti corsari*, Garzanti, Milano 1981, pp. 70-71.

gruppi extraparlamentari. Questo fenomeno nuovo si configurava come una sorta di fascismo di sinistra, «moralizzatore per reazione al revisionismo, fanatico per reazione al tatticismo, teologico per reazione al qualunquismo, ricattatorio per reazione all'opportunismo»³⁵. La nemesi contro i rinnegati revisionisti del PCI è stata lo sfondo ideologico della ricerca della rivoluzione introvabile: la nuova sinistra prendeva a modello la rivoluzione culturale cinese e il maoismo, denunciando il social-imperialismo dell'URSS. La ricerca di un altro Ottobre o di un "altro Egitto" (trockista, operaista, maoista, albanese, cubano, vietnamita) fu al centro di un dibattito onirico-ideologico che vide come protagonista la generazione degli anni perduti e che si caratterizzò come una scuola di conformismo culturale, che produsse, per lo più, travet della rivoluzione dell'indomani che uscirono dagli anni Settanta sfiniti ed esausti per aver troppo adorato diversi simulacri ideocratici.

IL DISSENSO E LA *QUERELLE* SULL'UNIVERSO CONCENTRAZIONARIO: SOLŽENICYN UOMO AL BANDO

Tra la fine degli Sessanta e la prima metà degli anni Settanta si colloca anche la storia dell'incontro mancato tra la contestazione italiana e il dissenso sovietico. Nell'introduzione ad una antologia di scritti di dissidenti sovietici (pubblicata nel 1974 da Savelli, editore della nuova sinistra)³⁶, Sinatti sottolineava come la sinistra italiana, nel suo complesso, avesse lasciato cadere nel silenzio la questione del dissenso in URSS. Dal canto suo, la nuova sinistra aveva trovato un'altra patria del comunismo realizzato e si era legata alla rivoluzione culturale cinese, vista come lotta vincente contro le degenerazioni burocratiche delle società socialiste dell'Europa orientale. Con un certo imbarazzo, il PCI aveva preso atto del processo di normalizzazione nella Cecoslovacchia di Husak, mentre la sinistra extraparlamentare continuava a tacere. Nell'ambito della nuova sinistra, infatti, l'interesse per l'URSS si esauriva nella disputa dottrina sulla natura sociale dell'esperimento sovietico: tale disputa era, per lo più, eterodiretta dalle teorizzazioni cinesi sul carattere social-imperialista dell'Unione Sovietica. Per Sinatti, la questione del dissenso non era conveniente né per il PCI (che per accontentare la sua base filosovietica definiva fascisti i dissidenti) impegnato a scongiurare una fortissima frizione con l'URSS, né per la nuova sinistra. Quest'ultima, infatti, era impegnata nella denuncia delle mistificazioni del capitalismo avanzato, mentre il dissenso poneva proprio la questione di quelle libertà formali e di quei diritti dell'uomo che erano denigrati e demistificati dalla galassia gruppuscolare. Per la nuova sinistra, i dissidenti combattevano una battaglia di retroguardia e la predica di destra sui diritti civili mal si conciliava con la lotta di

35 P.P. Pasolini, *Empirismo eretico*, Garzanti, Milano 1981, p. 163.

36 P. Sinatti, *Introduzione*, in *Il dissenso in Urss*, a cura di P. Sinatti, Savelli, Roma 1974, pp. 7-40.

classe, perché mancava di qualsiasi collegamento con le esigenze economiche e politiche della classe operaia. Negli anni Settanta, in Francia i *nouveaux philosophes* (quasi tutti ex sessantottini o ex maoisti, discepoli di Lacan e di Foucault, di Levi-Strauss e di Althusser) scoprivano Solženicyn e l'*Arcipelago Gulag* (pubblicato in Francia nel 1974) e denunciavano quella barbarie dal volto umano scaturita dalla rivoluzione impossibile: ogni rivoluzione, infatti, conduce alla schiavitù e il socialismo sovietico non era un'alternativa al capitalismo, ma la sua forma meno riuscita e, per di più, concentrazionaria. In particolare, Gluckmann accusava la sinistra vecchia e nuova di disprezzare i dissidenti: la repressione in URSS, in Cina, in Cambogia e in Vietnam non era un fatto scontato e la sinistra rimuoveva il proprio passato e non comprendeva la centralità del fenomeno del Gulag per spiegare la genesi e gli sviluppi dell'esperienza sovietica. Nelle sue riflessioni sull'*Arcipelago Gulag*, Claude Lefort (esponente con Castoriadis di *Socialisme ou barbarie*), affermava che anche dopo la morte di Stalin (definito da Solženicyn Egocrate) il socialismo sovietico continuava a raffigurarsi come un altro mondo che era fuoriuscito dalla storia e che aveva una peculiare "evoluzione" misurata sugli indici di produzione. Nell'introduzione all'edizione italiana del libro di Lefort su Solženicyn come uomo al bando, Paolo Flores d'Arcais affermava che scrivere di Gulag era, per la sinistra, un esercizio disperatamente necessario, perché l'universo concentrazionario era la verità decisiva del regime sovietico³⁷. Contrapponendo tale verità alla menzogna ideologica, l'opera di Solženicyn turbava i sogni di armonia socialista della sinistra francese e italiana, perché sconsacrava il mito delle origini, attribuendo a Lenin il ruolo di demiurgo dell'universo concentrazionario: in tal modo, si rendeva inutilizzabile il concetto di stalinismo, quale deviazione e parentesi infausta di una inarrestabile marcia verso il regno della libertà. L'iconoclastia dei *nouveaux philosophes* provocò in Italia una *querelle* che coinvolse sia l'*intelligencija* impegnata e/o ingaggiata, sia alcuni esponenti del gruppo dirigente del PCI. Umberto Eco ("Corriere della Sera", 27 luglio 1977) sosteneva che l'omologazione tra i nuovi filosofi e il dissenso sovietico era affrettata: mentre quest'ultimo dissentiva dalla sinistra ufficiale, i nuovi filosofi contestavano la visione pragmatico-razionale della cultura occidentale. D'altro canto, era inspiegabile il fatto che *Arcipelago Gulag* avesse provocato una sorta di collasso ideologico: Solženicyn era solo un cronista e non un veggente come Orwell in *1984* e Huxley in *Brave New World*. Nel considerare il Gulag come il paradigma del socialismo reale, secondo Eco, i nuovi filosofi erano approdati al pessimismo reazionario e cattolico di Joseph de Maistre: il tremito per il Gulag eterno, infatti, proveniva dall'opera di Solženicyn che poteva essere inserita nel filone del misticismo ottocentesco russo. In larga parte, tale corrente culturale era stata alimentata da Joseph de Maistre che a Pietroburgo conversava del «Gulag eterno, della illusione giacobina, della rivoluzione come Moloch,

37 P. Flores D'Arcais, *Introduzione*, in C. Lefort, *L'uomo al bando. Riflessioni sull'Arcipelago Gulag*, Vallecchi, Firenze 1980.

del destino di ogni storia umana di produrre solo grandi (e per lui) purificanti bagni di sangue»³⁸. Per Strada, invece, Solženicyn ha inaugurato una nuova fase dell'anticomunismo che non si confondeva con l'antisovietismo: l'anticomunismo dello scrittore, infatti, era squisitamente russo e, perciò, dissidente; esso riconduceva alla coscienza nazionale russa e si caratterizzava come una ricerca nuova sulla storia pre-sovietica³⁹. Nel 1977, un piccolo editore comunista (La Pietra) pubblicò, con una postilla di Umberto Terracini, le memorie di Dante Corneli (un operaio comunista che, tra il 1936 e il 1960, aveva soggiornato nel Gulag di Vorkuta, perché accusato di attività controrivoluzionaria trockista). Nella quarta di copertina, le memorie di Corneli erano presentate in chiave ideologica: il combattente proletario che non aveva rinnegato i propri ideali era l'antitesi del piccolo borghese Solženicyn, che cercava «spiegazioni totali e contrapposte al comunismo in una visione irrazionale che perde ogni dimensione critica utile a comprendere la realtà»⁴⁰. Nel 1977 l'editore Napoleone pubblicò *Chi sono i dissidenti sovietici?*, una raccolta di articoli e documenti della stampa sovietica con una introduzione di Ambrogio Donini⁴¹. Secondo Donini, non solo il dissenso si era posto alla guida di una nuova ondata di antisovietismo, ma era anche un attentato a quella distensione (inaugurata con gli accordi Helsinki del 1975) resa possibile da sessant'anni di edificazione dell'URSS: la ricerca di forme inedite di socialismo costituiva una minaccia per l'equilibrio felicemente raggiunto in Europa. Nell'ottobre del 1976, fu trasmesso uno speciale del Tg1 sul dissenso. Protagonista dello speciale era Andrej Amal'rik, che in *Sopravviverà l'Unione Sovietica sino al 1984?* (pubblicato in Italia nel 1970) aveva profetizzato l'inevitabile crollo dell'URSS provocato da una crisi del sistema burocratico e dalla rovinosa sconfitta in una guerra con la Cina. Sebbene nel 1968 avesse previsto la possibilità del crollo del comunismo (perché non c'era nessuna provvidenza socialista in grado di garantire a priori la sua resurrezione), Lucio Lombardo Radice pubblicò un articolo su "L'Unità" nel quale accusava Amal'rik di essere

38 U. Eco, *Il vecchio pessimismo*, in A. Fallica, *I "nuovi filosofi". Ironia e provocazione*, Celebes, Palermo 1978, pp. 67-71.

39 V. Strada, *L'accoglienza occidentale all'anticomunismo russo*, in *Il mito dell'URSS. La cultura occidentale e l'Unione Sovietica*, op. cit., pp. 295-302.

40 Cfr. D. Corneli, *Il redivivo tiburtino. Un operaio italiano nei lager di Stalin*, a cura di A. Carioti, Liberal Libri, Firenze 2000, pp. 238-239. Come sottolinea Barbara Spinelli, Corneli fu «adoperato come un'arma per neutralizzare Solženicyn»: il redivivo tiburtino era uscito dal Gulag integro, conservando la stessa visione del mondo che nel 1921 lo fece diventare comunista. Si intendeva dimostrare, perciò, che i campi di Stalin non erano, come quelli del capitalismo hitleriano, la negazione totale che mirava alla liquidazione globale dell'uomo per una nuova barbarica visione distruttrice. Dal punto di vista di un comunista, il Gulag era una sorta di rieducativo poema pedagogico con un carattere, a volte, durissimo, ingiusto, arbitrario. Cfr. B. Spinelli, *Arcipelago Italia*, «La Stampa», 2 marzo 2001.

41 *Chi sono i dissidenti sovietici? Articoli e documenti della stampa sovietica*. Introduzione di Ambrogio Donini, Napoleone, Roma 1977.

un fanatico dell'antisovietismo, perché considerava l'URSS il Paese più conservatore e più retrivo del mondo. Lo stesso Lombardo Radice in un'intervista concessa a "Encounter" (maggio 1977) sosteneva (a proposito del compromesso storico e dell'ingresso del PCI nell'area di governo) che nessuno poteva desiderare un regresso da uno stato migliore della società a uno peggiore. In questa direzione, invece, si muoveva Solženicyn che auspicava il ritorno alla Santa Russia. Per Lombardo Radice, i dissidenti rappresentavano minoranze insignificanti che non mettevano "in pericolo" il socialismo. Bisognava, perciò, permettere a Solženicyn di tornare in URSS a predicare il suo Vangelo; in tal modo, la vacuità delle sue proposte sarebbe diventata subito evidente⁴². Come ricorda Barbara Spinelli, Solženicyn e i dissidenti disturbavano i revisionismi sfumati e le strategie di potere del comunismo italiano: a differenza di quella francese, l'*intelligencija* italiana andava riscoprendo il conformismo ideologico e le virtù del fiancheggiamento. Rivelatrice, in tal senso, è la vicenda della Biennale del dissenso del 1977⁴³.

LA RIVOLUZIONE EUROCOMUNISTA E L'OTTOBRE

Nella prima metà degli anni Settanta, il PCI viveva la stagione dell'eurocomunismo che si caratterizzava come accettazione del pluralismo democratico e come dichiarazione di indipendenza dall'URSS. A Gianni Cervetti (responsabile del settore amministrativo e finanziario del PCI) fu affidato il compito di spiegare l'eurocomunismo ai sovietici con un articolo apparso sulla "Pravda" il 25 luglio 1976⁴⁴. Sebbene sostenesse la necessità della creazione di un socialismo inconfondibile distinto da quello sovietico e denunciasse i "tratti illiberali" del socialismo reale, Berlinguer, diversamente dal leader comunista spagnolo Santiago Carrillo, non sconsacrò il Natale del movimento comunista: la rivoluzione d'Ottobre che pur sembrava avere esaurito la sua spinta propulsiva. In

42 Cfr. G. Bensi, *Mosca e l'eurocomunismo*, La Casa di Matriona, Milano 1978, pp. 12-15 e pp. 29-33.

43 Cfr. U. Finetti, *La Biennale del dissenso*, «L'Ircocervo», a. 2, n. 1, 2003, pp. 58-62. La Biennale del dissenso, sostenuta e voluta dai socialisti, fu pressoché disertata dall'*intelligencija* comunista (Boffa intervenne al convegno sui "momenti storici del dissenso", Nono definì la Biennale "un sussulto triviale e programmato di antisovietismo", mentre "L'Unità" criticò la relazione di Kolakowski, perché mancava di spessore storico, in quanto sosteneva la tesi dell'identità tra comunismo e totalitarismo) e boicottata dall'URSS.

44 Cfr. G. Cervetti, *L'oro di Mosca. La verità sui finanziamenti sovietici al Pci raccontata dal diretto protagonista*, Baldini & Castoldi, Milano 1999. Come ricorda lo stesso Cervetti i sovietici ricondussero il suo articolo ai parametri dell'allineamento ideologico nel punto in cui affermava che il PCI elaborava «piani di sviluppo verso il socialismo» nella consapevolezza di operare nell'ambito di un sistema «pluralista e democratico»: il termine «pluralista», infatti, fu cassato e sostituito con «multiforme».

occasione del 60° anniversario della Rivoluzione d'Ottobre, Berlinguer affermò che la democrazia era un "valore storicamente universale" sul quale si doveva fondare quella società socialista che, nella sua genesi, era un retaggio del 1917. Dalle note e dagli appunti riservati di Antonio Tatò (portavoce e capo dell'ufficio stampa del segretario del PCI) inviati a Berlinguer tra il 1969 e il 1981 risulta che, per il gruppo dirigente del PCI, l'URSS rimaneva il «punto di origine di un solo processo generale unitario, quello della formazione del socialismo nel mondo». Nel 1917, la rivoluzione era sbucata in Russia, uno degli anelli più deboli della catena delle potenze capitaliste. Negli anni Settanta la rivoluzione avrebbe dovuto sbucare nei punti più alti della civiltà capitalista: non negli Stati Uniti (irretiti nelle forme capitalistiche), ma in una Europa «trasformata, unita, avviata verso il socialismo dalla lotta e dalla iniziativa unitaria dei partiti comunisti e delle forze rivoluzionarie, popolari, democratiche europee»⁴⁵. L'Europa occidentale, centro nevralgico della crisi mondiale, si sarebbe dovuta avviare, perciò, verso una rivoluzione diversa da quella del 1917: la rivoluzione bolscevica aveva toccato i suoi minimi storici e spettava ai suoi eredi italiani ed europei andare oltre l'Ottobre, indicando una "terza via"⁴⁶. La rivoluzione eurocomunista era antimanichea e avrebbe dovuto operare una sintesi innovatrice e dinamica tra i tratti migliori della democrazia occidentale e quelli del socialismo sovietico, sia per evitare la pietrificazione della storia nei blocchi contrapposti, sia per costruire una civiltà nuova superiore a quella che si era sviluppata nell'uno e nell'altro campo. Gli eurocomunisti avrebbero dovuto garantire l'indipendenza di condotta e di giudizio nei confronti dell'URSS e del socialismo finora realizzato, senza diventare per questo dei provocatori antisovietici. La realtà sovietica restava superiore a quella dei governi socialdemocratici; i comunisti, perciò, non dovevano far proprio il giudizio manicheo e reazionario formulato da Craxi, che considerava l'URSS un puro errore e un mostro ideologico e geopolitico e che, sulla base di questo giudizio negativo, voleva riassorbire la scissione del 1921. I comunisti italiani, secondo Tatò, non dovevano finire socialdemocratici e l'URSS doveva continuare ad essere il retroterra ideale e politico del PCI, un punto di forza nella battaglia anticapitalistica e antimperialista. Nel 1981, Tatò giudicava positivamente il grande insegnamento derivante dal movimento di rinnovamento del socialismo comparso in Polonia, che sembrava un modello da imitare. Dopo il colpo di Stato di Jaruzelski (definito inaccettabile), Tatò modificava il proprio entusiastico giudizio sul modello polacco: la critica del socialismo reale, infatti, non doveva cadere in miti ideologici e dogmatici che erano di segno opposto al mito dell'URSS come paradigma immobile e insuperabile del socialismo. La Rivoluzione d'Ottobre conservava il proprio significato liberatorio e l'URSS era una realtà geopolitica necessaria per il ruolo antica-

45 *Caro Berlinguer. Note e appunti riservati di Antonio Tatò a Enrico Berlinguer 1969-1984*, Einaudi, Torino 2003, pp. 43-47.

46 *Ivi*, pp. 100-104.

pitalista assunto da decenni sullo scacchiere internazionale⁴⁷. Ricostruendo la vicenda del PCI tra gli anni Settanta e Ottanta, Roberto Gualtieri afferma che lo strappo del 1981, dopo l'imposizione della legge marziale in Polonia, non fu condotto alle estreme conseguenze, perché il PCI mantenne in piedi un simulacro di doppia lealtà. Contestualmente all'esaurimento della spinta propulsiva dell'Ottobre, Berlinguer ribadì il superamento della socialdemocrazia, per cui il PCI, nella sua collocazione solitaria, era «uno dei pochi punti di legame tra i Paesi socialisti ...il movimento operaio, comunista, socialista, i socialdemocratici e i Paesi del terzo mondo»⁴⁸. Pur non essendo più un modello di società proponibile alle masse occidentali, il PCI continuò a riconoscere all'URSS il ruolo di punto di riferimento per il suo glorioso passato: esistevano, perciò, i margini per ricucire lo "strappo", facendo appello alla comune apprensione per i pericoli suscitati dalla corsa agli armamenti. Nel lungo dopoguerra, secondo Pons, il PCI ha mostrato dei limiti come forza politica nazionale sia perché il legame originario con l'URSS non era coerente con una politica che agiva nel contesto italiano, sia perché tale legame è stato consumato senza essere sostituito da un'alternativa credibile⁴⁹. La rottura con Mosca era quanto mai problematica, anche perché si era formata un'opposizione interna al PCI sostenuta (anche sul piano economico) dai sovietici⁵⁰. Il dibattito sulla natura e sui limiti della realtà sovietica, secondo Gualtieri, si interruppe con l'avvento di Gorbačëv, «rivedendo le speranze di una 'riformabilità' dell'URSS e rilanciando lo schema dell'unità nella diversità». Ricordando gli incontri e i colloqui tra Gorbačëv e i dirigenti del PCI (Natta e Occhetto), Rubbi afferma che si poneva il problema di rendere più appetibile l'immagine dell'URSS e dei Paesi socialisti, anche perché la *perestrojka* sembrava dare nuovo impulso alla spinta propulsiva dell'Ottobre⁵¹.

NOSTALGIE E RIMPIANTI DOPO LA CATASTROFE GEOLOGICA: IL MITO DELL'URSS COME GRANDE SUPERPOTENZA

Dopo 1991 il mito dell'URSS è stato, in parte, sostituito dal mito del crollo dell'URSS che si presta a diverse interpretazioni mitografiche nelle quali si fondono il rimpianto per la mancata realizzazione del comunismo e la nostalgia per la superpotenza sovietica. Il rimpianto del comunismo (sia in Italia,

47 Ivi, pp. 226–241.

48 R. Gualtieri, *Il Pci, la Dc e il "vincolo esterno"*, in *Il Pci nell'Italia repubblicana 1943–1991*, op. cit., pp. 47–99.

49 S. Pons, *L'URSS e il Pci nel sistema internazionale della guerra fredda*, in *Il Pci nell'Italia repubblicana 1943–1991*, op. cit., pp. 40–46.

50 Cfr. V. Bukovskij, *Gli archivi segreti di Mosca*, Spirali, Milano 1999, pp. 216–219; C. Andrew-V. Mitrokhin, *L'archivio Mitrokhin*, Rizzoli, Milano 1999, pp. 367–383.

51 Cfr. A. Rubbi, *op. cit.*

sia nell'Europa centrale e orientale) oscilla tra la nostalgia restauratrice che, ponendo l'accento sul *nostos*, vuole ricostruire il luogo mitico della dimora perduta e la nostalgia riflessiva incentrata sul desiderio e sulla perdita⁵². La distruzione della casa comune del comunismo è stata causata, per alcuni⁵³, dall'irreformabilità del sistema sovietico; per altri⁵⁴, invece, la *perestrojka* è stata una rivoluzione mancata o tradita dal «bonapartismo populista» di El'cin che non solo ha reso ineluttabile il crollo dell'URSS, ma anche quello della stessa Russia post-sovietica. In occasione di un convegno sul fallimento della *perestrojka* (10–11 aprile 1992), Rita Di Leo ha definito Gorbačëv un *rex destruens*, perché *glasnost* e *radikal'naja reforma* sono rimaste parole d'ordine e non si sono tradotte in un progetto-programma riformistico che si ponesse nel solco della tradizione comunista: solo in tal modo si poteva impedire la disgregazione dell'URSS e la fine del mondo bipolare. Secondo Di Leo, Gorbačëv ha distrutto uno Stato che nei suoi settant'anni di storia aveva raggiunto la parità strategico-militare con l'Occidente e che avrebbe potuto raggiungere anche la parità politica ed economica. Con l'URSS, Gorbačëv ha tolto dalla scena della storia la prospettiva di una società occidentale diversa da quella capitalistica, facendo disseccare il filone delle utopie laiche. Dopo la fine dell'URSS, infatti, l'unica alternativa al capitalismo sembra essere il fondamentalismo religioso (cristiano o islamico)⁵⁵. D'altro canto, la transizione al capitalismo della Russia post-sovietica si è configurata come una seconda NEP gestita dagli oligarchi: il bolscevismo di mercato di El'cin, secondo Di Leo, è stato espressione di una sorta di massimalismo utopista che ha agito dissennatamente per l'immediata instaurazione del capitalismo. La Russia post-sovietica non ha potuto vantare, però, lo *status* di grande potenza, perché ha avuto come valori di riferimento quelli dello Stato-nazione e non quelli dell'internazionalismo proletario come nel caso dell'URSS⁵⁶. Dal canto suo, Boffa ha sostenuto che l'esito catastrofico della *perestrojka* è stato, anzitutto, una conseguenza della lunga crisi sovietica che si è aperta nel 1964 con la destituzione di Chruščëv, quale inizio della fine dell'URSS. Contro Gorbačëv, invece, è stato ordito un duplice complotto: il colpo di Stato del 19 agosto 1991 ad opera dei conservatori tardostalinisti e il complotto nazionalista dell'8 dicembre 1991 organizzato da El'cin, che ha de-

52 S. Boym, *Ipocondria del cuore: nostalgia, storia e memoria*, in *Nostalgia. Saggi sul rimpianto del comunismo*, a cura di F. Modrzejewski e M. Sznajderman, Bruno Mondadori, Milano 2003, p. 49.

53 A. Guerra, *Il crollo dell'impero sovietico*, Editori Riuniti, Roma 1996.

54 Cfr. G. Chiesa-R.A. Medvedev, *La rivoluzione di Gorbaciov. Cronaca della perestrojka*, Garzanti, Milano 1990; G. Chiesa, *Da Mosca. Cronaca di un colpo di Stato annunciato*, Laterza, Roma-Bari 1995; Id., *Russia addio*, Editori Riuniti, Roma 1997.

55 R. Di Leo, *Rex destruens*, in *Riformismo o comunismo. Il caso dell'URSS*, a cura di R. Di Leo, Liguori, Napoli 1993, pp. 9–31.

56 R. Di Leo, *La seconda Nep*, in *Riformismo o comunismo. Il caso dell'URSS*, op. cit., pp. 249–263.

cretato la liquidazione dell'URSS. La democrazia socialista in costruzione, secondo Boffa, è stata affossata dal nazionalismo di El'cin, ispirato dall'anticomunismo russocentrico di Solženicyn: la *perestrojka* avrebbe potuto salvare l'unità dello Stato federale, mentre dalla dissoluzione dell'URSS (la più grande svendita della storia causata dall'infatuazione nazionalista) è sorta una Russia mutilata che, cancellando le conquiste dell'era gorbacioviana, si è avviata sulla strada del ritorno all'arcaica autocrazia⁵⁷. Anche per Rubbi, la distruzione dell'URSS è stata opera della rivolta del nazionalismo russo contro il progetto gorbacioviano di una Unione Sovietica rinnovata e democratica. L'innamoroamento nazionalista è stato suscitato dall'imbonimento demagogico di El'cin, dai vaticini di Solženicyn (che in patria non è mai stato buon profeta) e dalla «grancassa suonata da Žirinovskij: questi nefasti demiurghi hanno forgiato una Russia malata, un Paese allo sfascio, senza valori e senza identità⁵⁸». Nel corso di un convegno italo-russo (Urbino, 25–27 settembre 1997), Domenico Losurdo ha sostenuto che il crollo dell'URSS è stato una conseguenza di quella crociata planetaria per i diritti dell'uomo di marca neolibera: nel 1991, Bush padre voleva una Unione Sovietica democratica e con un'economia di mercato integrata a quella occidentale. Con il loro «zelo missionario e universalistico», gli Stati Uniti, secondo Losurdo, aspirano a provocare un collasso di tipo sovietico anche in Cina⁵⁹. Per Benvenuti, l'esaurimento della funzione universalmente trasformatrice dell'URSS ha avuto inizio nel 1968; la *perestrojka* è stata l'estremo lascito dell'universalismo sovietico: la Russia post-sovietica è arretrata su posizioni nazional-patriottiche e la sua vicenda politica può essere interpretata come una transizione verso una nuova dottrina nazionale russa⁶⁰. Per Canfora, invece, le cause del crollo del potere sovietico derivano dalla questione dello stalinismo: lo stalinismo, infatti, è stato il più lungo esperimento giacobino della storia che ha provocato una reazione fatale; si pone, perciò, il problema di come «gestire la futura rottura rivoluzionaria»⁶¹. Secondo Hobsbawm (e secondo alcuni suoi epigoni italiani), l'esistenza dell'URSS e

57 G. Boffa, *Dall'URSS alla Russia. Storia di una crisi non finita*, Laterza Roma-Bari 1995, pp. 337–376.

58 A. Rubbi, *La Russia di Eltsin*, Editori Riuniti, Roma 2002, p. 273.

59 Cfr. D. Losurdo, *Universalismo e conflitto geopolitico: dalla rivoluzione d'ottobre al trionfo del "secolo americano"*, in *URSS: bilancio di un'esperienza. Atti del Convegno italo-russo: Urbino 25–26–27 settembre 1997*, a cura di D. Losurdo e R. Giacomini, Quattro Venti, Urbino 1999, pp. 7–43.

60 F. Benvenuti, *La crisi finale dell'universalismo sovietico e i suoi dilemmi (da Brežnev a Gorbačëv)*, in *Urss: bilancio di un'esperienza. Atti del Convegno italo-russo: Urbino 25–26–27 settembre 1997*, op. cit., pp. 155–168.

61 L. Canfora, *La questione dello stalinismo*, in *Urss: bilancio di un'esperienza. Atti del Convegno italo-russo: Urbino 25–26–27 settembre 1997*, op. cit., pp. 169–174. Al convegno di Urbino ha partecipato anche Roy Medvedev, il quale ha sostenuto che il «disprezzo della democrazia» è la causa prima della «crisi del leninismo» che si è risolta nello «strapotere della nomenclatura».

la sua contrapposizione con l'Occidente aveva favorito l'affermazione di un capitalismo dal volto umano. Sebbene sia venuto meno il contrappeso sovietico e gli Stati Uniti siano apparsi come l'iperpotenza egemone, dopo il collasso dell'URSS si assisterà necessariamente anche alla bancarotta del fondamentalismo del *free market*. Nelle diverse mitografie il crollo dell'URSS assume un fattore soteriologico: per alcuni la scomparsa dell'URSS ha salvato il comunismo che, finalmente, può compiutamente realizzarsi; per altri il crollo dell'URSS ha avuto effetti benefici sull'ordine mondiale. Per Toni Negri e Michael Hardt⁶², l'agonia della disciplina sovietica e il successivo affondamento del regime è stata causata dalla resistenza alla dittatura burocratica, che aveva rinchiuso la «nuova vivente moltitudine della forza lavoro intellettuale» nelle gabbie disciplinari di un'economia di guerra. Il crollo dell'URSS ha favorito, perciò, la materializzazione dell'impero e il superamento dell'imperialismo (compreso quello sovietico), quale necessario prerequisito che permetterà alla moltitudine di inverare la propria rivoluzione globale nell'ambito del nuovo ordine imperiale. Tuttavia, dopo l'11 settembre e la guerra in Iraq, Bush, secondo Negri, ha realizzato una sorta di 18 brumaio globale che ha imposto il ritorno dell'imperialismo. La democrazia della moltitudine, per Negri, si basa su una nuova scienza che coniuga tra loro i *Federalist Papers* di Madison e *Stato e rivoluzione* di Lenin. La distruzione della sovranità dello Stato proposta da Lenin non deve, però, scaturire dall'insurrezione di una élite d'avanguardia, perché, come dimostra l'esperienza sovietica, si potrebbe approdare alla creazione di uno Stato sovrano e gerarchico. Compito della moltitudine, invece, è quello di abolire la sovranità a livello globale⁶³. Nell'interpretazione di Asor Rosa⁶⁴, invece, il crollo dell'impero sovietico non ha una valenza soteriologica ma catastrofica, perché ha liberato totalmente la volontà di potenza dell'impero superstate. Nel mondo post-bipolare, gli Stati Uniti utilizzano la guerra per un'opera di normalizzazione e per riplasmare il mondo secondo il proprio modello. L'URSS, secondo Asor Rosa, era una sorta di *katechon* che nel corso della guerra fredda ha impedito che esplodessero conflitti di dimensione planetaria: nell'arco di un cinquantennio, infatti, ci sono state solo guerre marginali. Il crollo dell'impero sovietico, che è avvenuto per ragioni fondamentalmente endogene, ha rappresentato, perciò, una sorta di catastrofe geopolitica. D'altro canto, in Italia (sia tra l'estrema destra, sia tra l'estrema sinistra) hanno una certa diffusione quelle tesi geopolitiche neoeurasiste che propugnano la ricostituzione dello spazio imperiale russo o la resurrezione dell'URSS,

62 M. Hardt-A. Negri, *Impero. Il nuovo ordine della globalizzazione*, Rizzoli, Milano 2002, pp. 259–262.

63 M. Hardt-A. Negri, *Moltitudine. Guerra e democrazia nel nuovo ordine imperiale*, Rizzoli, Milano 2004, pp. 406–407.

64 Cfr. A. Asor Rosa, *La guerra. Sulle forme attuali della convivenza umana*, Einaudi, Torino 2002.

ponendo un nuovo *limes* invalicabile tra la Russia e l'Occidente. Tali tesi sono formulate, tra l'altro, dal leader comunista russo Zjuganov, quale resurrezione della geografia della vittoria⁶⁵ e da Dugin, leader del partito eurasista, con le sue fumisterie esoterico-geopolitiche di matrice evoliana⁶⁶. Queste cartografie oniriche sembrano sostituire la cartografia imperiale disegnata dall'ideocrazia sovietica e si basano sul mito geopolitico (diffuso da Mackinder all'inizio del XX secolo) dell'Eurasia quale *Heartland* (il perno geografico della storia mondiale). Il mito del crollo sovietico si configura come un interrogativo che appare specularmente contrario a quello che, alla fine degli anni Sessanta, si poneva Amal'rik a proposito della sopravvivenza dell'URSS oltre la *fin de siècle*: nel XXI secolo verrà concessa all'Unione Sovietica una replica della storia⁶⁷? Resusciterà l'URSS *sub specie* superpotenza eurasiatica? Nel caso dell'URSS, le repliche della storia sembrano la messa in scena di una sorta di parodia ideologica e geopolitica, che si esaurisce nelle rappresentazioni mitiche e nelle cartografie oniriche.

65 G. Zjuganov, *Stato e potenza*, a cura di M. Montanari, Edizioni all'Insegna del Veltro, Parma 1999. Sull'influsso ideologico di Zjuganov in Italia cfr. A. Alberti, *I russi e le rivoluzioni*, in *Urss: bilancio di un'esperienza. Atti del Convegno italo-russo: Urbino 25-26-27 settembre 1997*, op. cit., pp. 55-65.

66 A. Dugin, *Eurasia. La Rivoluzione conservatrice in Russia*, Nuove Idee, Roma 2004.

67 Cfr. F. Bettanin, *La disgregazione dell'Unione Sovietica*, in *Riformismo o comunismo. Il caso dell'Urss*, op. cit., pp. 207-226.

Алексей Кара-Мурза

Культурные связи России и Италии: к двухсотлетию со дня рождения И.С. Тургенева

Друг для друга теперь двое мы целый народ...

И.С. Тургенев. Из «Римских элегий» Гёте. 1846 г.

Двадцатого сентября 1833 г.¹ ещё не достигший 15-летия Иван Тургенев был зачислен после испытаний своекоштным студентом словесного факультета Императорского Московского университета². Удивительно, но среди своих ровесников (а среди них были будущие знаменитости: Михаил Катков, Юрий Самарин, Фёдор Буслаев) юный Тургенев выделялся в то время... очень маленьким ростом. «Ростом я был в 15 лет не выше семилетнего», — признавался в конце жизни Тургенев одному из близких друзей³.

Изменения в жизни будущего писателя начались во второй половине 1834 г., когда окончивший первый курс Московского университета Тургенев переехал с отцом в Санкт-Петербург: «Затем совершилась удивительная перемена после 15 лет. Я заболел. Со мною сделалась страшная слабость во всём теле, лишился сна, ничего не ел, и когда выздоровел, то сразу вырос чуть не на целый аршин (более 70 сантиметров! — А. К.-М.)»⁴. Краткая отметка об этом фантастическом случае имеется и в тургеневском

1 В дальнейшем изложении все события, имевшие место на территории Российской империи, как и написанные в России письма, датируются по юлианскому календарю (старому стилю). Равным образом, всё, что будет иметь отношение к событиям в Италии и Германии, будет датировано по принятому в Европе григорианскому календарю (новому стилю).

2 *Клеман М.К.* Летопись жизни и творчества И.С. Тургенева. 1818-1883. М.: Академия, 1934. С. 21.

3 *Садовников Д.Н.* Встречи с Тургеневым // Современное прошлое. 1923. № 1. С. 117.

4 Там же.

УДК 327(450:470+571)(091)"1918/2018"(063)
ББК 66.4(2Рос),9(4Ита),Зя431+63.3(2)6-6я431
Т93

**Рецензенты — д. полит. н., профессор
О.Н. Барабанов; д.и.н., профессор
В.И. Михайленко; д. и. н., профессор
Дж. Петракки**

1918–2018 : век истории в особняке Берга / отв.
ред. Р. Алонци, Е.А. Маслова ; Посольство Италии
в Москве, Федеральное гос. Бюджетное учрежде-
ние науки Ин-т Европы Российской акад. наук. —
Москва, 2019. — 504 с. — ил. — Парал. тит. л. ит.

**В настоящем издании представлены ма-
териалы международной конференции
«1918–2018: век истории в особняке Берга»,
которая состоялась 6 июля 2018 г. в посоль-
стве Италии в Москве и в Институте Европы
РАН. Конференция стала частью научного
проекта, начало которому положило издание
«Посольство Италии в Москве: особняк Берга»,
вышедшее в ноябре 2017 г. (на итальянском
и русском языках). Новизна представленных
научных исследований состоит в комплексном
анализе международной обстановки в описы-
ваемый период и в освещении малоизученных
фактов. Авторы рассматривают события
столетней давности с различных точек зрения,
используя разнообразные подходы, что позво-
ляет не только воссоздать динамику двусто-
ронних отношений между Россией и Италией,
а также Россией и Германией, но и лучше
понять международную обстановку.**

© Посольство Италии в Москве, 2019
© ИЕ РАН, 2019

Научное издание

1918–2018: век истории в особняке Берга

Подписано в печать 25.03.2019

Формат 70×100/16

Усл. печ. л. 30

Тираж 1000 экз.

ИЕ РАН

Посольство Италии в Москве

ISBN 978-5-98163-126-9

ISBN 978-5-9500664-4-3

**Посольство Италии в Москве
115127, Россия, Москва,
Денежный пер., д. 5
e-mail: mosca.cultura@esteri.it**

**ИЕ РАН
125009, Россия, Москва,
Моховая ул., д. 11, стр. 3
e-mail: europe@ieras.ru**

Recensori scientifici — PhD (Doktor Nauk) in Scienze
Politiche, Professore Oleg Barabanov; PhD (Doktor
Nauk) in Storia, Professore Valerij Michajlenko;
PhD in Storia, Professore Giorgio Petracchi

1918–2018 : un secolo di storia a Villa Berg /
[A cura di Roberta Alonzi, Elena Maslova];
Ambasciata d'Italia a Mosca, Istituto Europa
dell'Accademia russa delle scienze. — Mosca,
2019. — 504 p.: ill.

Il presente volume raccoglie gli atti della Conferenza internazionale "1918–2018: un secolo di storia a Villa Berg", le cui sessioni sono state ospitate il 6 luglio 2018 nelle prestigiose sedi dell'Ambasciata d'Italia a Mosca e dell'Istituto Europa dell'Accademia russa delle scienze. "1918–2018: un secolo di storia a Villa Berg" è parte del progetto scientifico avviato con la pubblicazione, nel novembre del 2017, del volume, in lingua italiana e russa, "L'Ambasciata d'Italia a Mosca: Villa Berg". La novità delle ricerche esposte nella presente pubblicazione risiede nell'analisi complessiva della congiuntura internazionale nel periodo preso in esame e nella trattazione di fatti sinora poco conosciuti. Gli autori esaminano gli eventi di un secolo fa sotto vari punti di vista e attraverso diversi metodi di ricerca, e questo permette non solo di ricostruire la dinamica dei rapporti bilaterali tra Russia e Italia e Russia e Germania, ma anche di comprendere significativi aspetti del quadro internazionale più generale.

© Ambasciata d'Italia a Mosca, 2019
© Istituto Europa RAS, 2019

Ambasciata d'Italia a Mosca
115127 Mosca, Russia,
Denezhnyj pereulok, 5
e-mail: mosca.cultura@esteri.it

Istituto Europa dell'Accademia russa delle scienze
125009, Mosca, Russia,
Mokhovaja ulica, 11, ed. 3
e-mail: europe@ieras.ru